

АНДРЕ МОРУА
ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КОЛИБРИ»

Андре Моруа

История Франции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22072523

Андре Моруа. История Франции: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва;

2016

ISBN 978-5-389-12500-1

Аннотация

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологической прозы. Однако значительную часть наследия писателя составляют исторические сочинения. Ему принадлежит целая серия книг, посвященных истории Англии, США, Германии, Голландии. В «Истории Франции», впервые полностью переведенной на русский язык, охватывается период от поздней Античности до середины XX века. Читая эту вдохновенную историческую сагу, созданную блистательным романистом, мы начинаем лучше понимать Францию Жанны д. Арк, Людовика Четырнадцатого, Францию Мольера, Сартра и «Шарли Эбдо», страну, где великие социальные потрясения нередко сопровождались революционными прорывами, оставившими глубокий след в мировом искусстве.

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	10
I. О том, как Галлия стала римской	13
II. О том, как варвары смешались с галло-римлянами	44
III. О том, как Каролинги попытались воссоздать империю	68
IV. О том, как развивался феодальный строй. Как случилось, что Капетинги наследовали Каролингам	87
V. О том, как Капетинги, округляя свой домен, сформировали Французское королевство	105
VI. О том, как Людовик IX освятил монархию и как Филипп Красивый ее укрепил	128
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андре Моруа

История Франции

André Maurois

HISTOIRE DE LA FRANCE

Copyright © Les Héritiers Andre Maurois, Anne-Mary Charrier, Marseille, France, 2006

Оформление обложки Валерия Гореликова

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

© А. Серебрянникова, перевод, 2007, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство КоЛибри®

Предисловие

«Вы уже написали „Историю Англии“ и „Историю Соединенных Штатов“», – сказали мои американские и английские издатели. Осталось завершить трилогию великих свободных наций и написать также и «Историю Франции». Я ответил, что уже существует множество «Историй Франции». «А разве не было уже написано множество „Историй“ наших стран? Мы не ждем, что вы обнаружите новые документы, но вы должны ясно и просто изложить то, что знаете сами».

Я колебался. Шла война. Я тоже испытывал необходимость обратиться к прошлому Франции, чтобы обрести в нем надежды на ее будущее; кроме того, я хотел, чтобы за границей ее лучше понимали. И я решил согласиться. Одна часть книги была написана в Америке, другая – в Африке, а последняя (та, где говорится о Третьей республике) – в Перигоре и Нейи. Что получилось из этой долгой работы? Судить не мне, а сам я могу только сказать о целях ее написания.

Я хотел объяснить читателю, почему Франция стала Францией. Она соседствует с Англией; не раз их пути развития совпадали. Почему же со временем обе нации так сильно разошлись? Откуда эти глубокие различия в характерных чертах и социальных институтах? Я попытался дать ответ на эти вопросы. Но вместе с тем от меня ждали Историю, а не эссе. Следовательно, нужно было дать связное изложение, нарисовать портреты. Общие рассуждения должны бы-

ли предстать как заключения, а не как аксиомы. Поэтому в конце каждой из шести частей читатель найдет главу, в которой я обрисовал путь, пройденный Францией за описываемый период.

Я хотел сохранить правильное соотношение пропорций и, так же как я сделал это в отношении двух других стран, отвести нашему времени его законное место. Настанет день, когда будет не только можно, но даже необходимо написать «Историю Франции» с 1939 по 1947 г. Я не мог этого сделать в рамках настоящей книги: ее последние главы можно рассматривать всего лишь как оправу, которая оживет и получит свое наполнение, когда немного улягутся страсти. На протяжении всей книги я старался не искажать фактов в угоду своим чувствам. Не знаю, удалось ли мне это; иногда предубеждение может проскользнуть даже в самые оберегаемые от этого сочинения. Я старался как можно лучше взвешивать все за и против. В трудах Тэна и Мишле, Олара и Матьеза я всей душой старался распознать истину. Но это вовсе не означает, что мне всегда удавалось ее найти.

В отличие от двух предыдущих работ, здесь нет библиографии. Да и как я мог бы ее составить? С самого детства я читал книги по истории Франции, биографии, мемуары. Этот список стал бы бесконечным и скорее подлинным, чем правдоподобным. Впрочем, вы найдете весь этот список у Лависса, у Альфана и у Саньяка, в томах «Коллекции исторического синтеза» и в томах собрания «Клио». Но я хотел

бы выразить свою признательность и книгам, и тем людям, которые помогли мне лучше понять определенные эпохи. Это Жуанвиль и Фруассар, Коммин и Рец, Сен-Симон и Мемориал, читателя следует адресовать к Токвилю и Альберу Сорелю, к Тэню, к Сент-Бёву, к Гизо, к Фюстелю де Куланжу, к Камиллю Жюллиану, к Лагорсу, к Габриэлю Аното, к Бенвилю. Среди моих современников я многим обязан прекрасным книгам Луи де Мадлена, Марка Блока, Анри Пиренна, Дюка де Лафорса, Жозефа Кальметта, Этьена Жильсона, Пти-Дютайи, Фюнк-Бретано, Луи Альфана, Анри Фосийона, Жерара Вальтера, Леви-Мирпуа, Даниэля Алеви, Альбера Тибоде, Филиппа Саньяка и Люсьена Февра. Что касается самого последнего периода, то следует упомянуть труды Андре Зигфрида, Франсуа Гогеля («Партии при Третьей республике»), Шарля Моразе («Буржуазная Франция»), Адриана Дансетта («История освобождения Парижа»), Жана Фурастье и Анри Монтэ («Французская экономика в мире»).

Стараясь избежать возможных ошибок, я обратился к Анри Гиймену, агреже по истории, с просьбой прочесть мой текст. Робер Лакур-Гайе любезно просмотрел раздел финансов. И больше, чем обычно, мне постоянно помогала в работе моя жена.

А. М.

Книга первая

Происхождение и Средневековье

I. О том, как Галлия стала римской

1. В мире найдется немного мест, столь интересных для посещения, как долина реки Везер во французской провинции Перигор. Река катит свои темные воды между двумя скалистыми стенами. Высокие каменные откосы усеяны черными отверстиями – входами в пещеры и углублениями в горах. Гроты, многочисленные, как кроличьи норы на опушке леса, некогда создавали что-то вроде доисторического города. Во многих пещерах было найдено каменное оружие, орудия труда, кости животных и человеческие черепа. Примерно 30 тыс. лет тому назад здесь жили люди, которые достигали своих жилищ и выходили из них по узким тропинкам или по лестницам из лиан. Труднодоступность жилищ и огонь служили этим людям защитой от диких животных. Они жили охотой и рыбной ловлей, а на стенах своих пещер рисовали оленей и бизонов «с мастерством и очарованием, порожденными долгим совместным с ними существованием» (А. Фосийон). Неправомерно говорить, что история этих людей принадлежит истории Франции, потому что в те времена еще не было наций. Но французская цивилизация, как и все другие цивилизации, покоится на глубоких и загадочных основаниях прошлого. Еще и сегодня можно видеть во Франции целые деревни троглодитов. На кладбищах, на могилах, мы помещаем, как и наши предки из нео-

лита, надгробные камни. Верования в фей, в колдовство, в колдунов до сих пор распространено в наших деревнях: это отголоски первобытных религий. На посохах пастухов или на изделиях сельских гончаров бессознательно сохраняется народное искусство, где преобладают геометрические узоры или изображения животных. Можно предположить, что в конце доисторических времен существовала довольно однородная средиземноморская цивилизация со своими обменом, торговыми путешествиями, свайными городами, примитивным сельским хозяйством и первыми одомашненными животными. Запутанная сеть наших деревенских дорог, должно быть, восходит еще к эпохе неолита (Г. Рупнель). Под тонким слоем исторических времен скрываются могучие доисторические пласты, а поколения, от которых, кажется, ничего не осталось, кроме обтесанных или отполированных камней, бронзовых орудий труда, дольменов, менгиров, погребений, тропинок и источников воды, завещали человечеству наследство из слов, социальных институтов и правил, без которых было бы невозможно будущее развитие.

Женская головка из зуба лошади. Образец искусства эпохи палеолита из пещеры Мас-д'Азиль, департамент Арьеж. IX–VII вв. до н. э.

2. Никогда не существовало народа французской национальности. Та территория, которая является нынешней Францией, располагалась на краю Европейского континента. Здесь завершались вторжения, и здесь останавливались и поселялись завоеватели. В конце первого тысячелетия до нашей эры в Альпах проживали лигуры, в Пиренеях – иберы, от которых, возможно, и происходят современные баски. По Средиземному морю приплывали финикийские моряки; *Монако* – это финикийское слово, означающее *отдых, остановка*. Семитские купцы обменивали на рабов жемчуг, гончарные изделия и яркие ткани. Позднее греческие мореходы основали на побережье колонии и привезли с собой цивилизацию Востока, религиозные веяния, таинства, деньги, культуру оливковых деревьев и более совершенный язык. Из своей главной колонии *Массилия* (Марсель), основанной моряками из ионийской Фокеи около 600 г. до Рождества Христова, греки сделали торговый порт, через который транзитом шло олово, вывозимое из Британии. Марсель разрастался, и на побережье возникали новые греческие города: *Никея* (Ницца), *Агатхэ Тюхэ* (Агд), *Антиполис* (Антиб). Греки видоизменили провансальский пейзаж, и не только тем, что привезли оливковое дерево, но они привезли также и кипа-

рис, фиговое дерево, виноградную лозу, акант и гранат. Битва Цветов, ежегодный праздник в Ницце и в других городах на Ривьере, восходит к греческим временам и, несомненно, связан с культом Деметры, Адониса или Персефоны. Персидская роза, попавшая через Грецию в Италию, была также привезена и в Прованс. Розовой эссенцией, которую производят сегодня в Грассе, мы обязаны греческим морякам и римским legionерам.

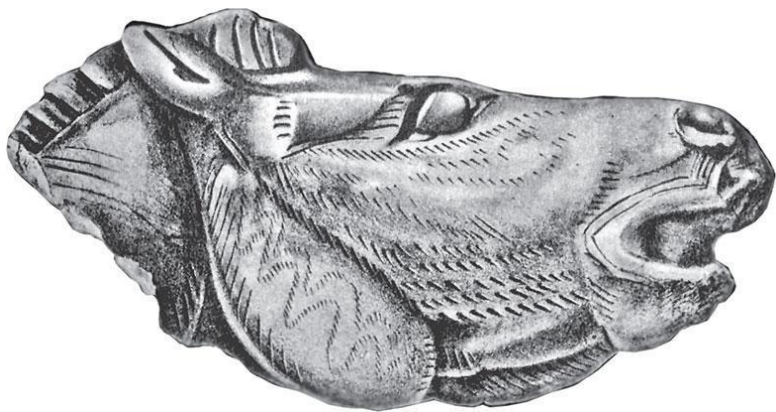
3. Начиная с конца бронзового века в долины Рейна и Роны проникает другая, так называемая кельтская культура. Кельтские племена пастухов и воинов пришли с берегов Дуная. Эти племена по языку и обычаям принадлежали к индоевропейской группе. Мы не имеем достоверных подтверждений, что когда-то существовал единый кельтский народ. Древнегреческие писатели, для которых все «гипербореи» варвары представляли собой единый размытый и туманный образ, называли кельтами всех иноземцев высокого роста, с белой кожей и светлыми волосами, проживающих по ту сторону гор. Но существовали и темноволосые кельты, поэтому триумфаторы, когда проводили по Риму вереницы пленников, часто для соответствия их народным представлениям обесцвечивали им волосы. Можно, скорее, предполагать, что однородным был не кельтский народ, а кельтский язык и кельтская цивилизация. Эти люди умели ковать обоюдоострые мечи – лучшее по тем временам оружие. Раскоп-

ки в Тене (возле озера Невшатель) и в Гальштадте обнаружили значительные центры по изготовлению оружия. Кельты обладали художественным вкусом, были знакомы с греческими орнаментами и использовали их в своих ювелирных изделиях и в украшениях своих мечей. В IV в. до н. э. прекрасное оружие и смелость позволили им создать империю. Они дошли до Галатии в Малой Азии, пересекли Рейн, Альпы, заселили Северную Италию, сожгли Рим, но там не задержались, а подчинили себе местные племена в тех землях, которые сегодня мы называем Францией и Испанией. Было бы крайне ошибочно представлять, что кельты, уничтожив лигуров и иберов, заменили их на завоеванных территориях. Скорее, нужно говорить о медленном проникновении, когда военная аристократия сначала порабощала местных жителей, потом с ними ассимилировалась, а язык завоевателей понемногу становился языком всех племен, проживавших западнее Рейна и Альп. В венах современных французов кровь иберов и лигуров смешалась с кельтской кровью, а также с кровью римлян и многих других народов. А что касается имени «галлы» (*Galli*), то римляне так называли кельтов.

4. Кельтская империя продержалась недолго, и в конце IV в. до н. э. Северная Италия (Цизальпинская Галлия) была присоединена к Риму. Территорию по ту сторону Альп, включающую и современную Бельгию, римляне называли

Трансальпийской Галлией. Они знали, что кельты занимали также и Великобританию, и Ирландию и что галлы торговали с этими туманными островами. В глазах какого-нибудь римлянина II в. до н. э. Галлия должна была быть примерно тем же, что и Марокко для алжирца, жившего в 1880 г.: варварская беспокойная пограничная страна. Позднее военные потребности определили последующие политические аннексии. Когда Рим находился в состоянии войны с Карфагеном, военные заявили, что необходимо обеспечить связь вдоль моря на пространстве от Испании до Италии. К концу II в. до н. э. вся эта зона, включая Марсель, стала римской провинцией, и даже просто Провинцией, откуда и происходит название Прованс (*Provincia*). «*Italia magis quam provincia*» (это скорее Италия, чем провинция), – говорит Плиний, потому что природа, растительность и климат напоминали ему Италию. Там возникали прекрасные города, такие как Арль, Ним, Оранж, города с термами, форумами и аренами. Вскоре галлы в своей еще независимой Галлии ощутили угрозу и с востока от германцев, чьи воинственные и жадные племена скапливались по ту сторону Рейна, и с юга от римлян. Две группы римских граждан – торговцы и военные – требовали завоевания Галлии. Торговцы жаждали рабов, поместий и рудников; военные рассчитывали стяжать там славу и политический авторитет; они утверждали, что для защиты Рима от германцев необходимо прикрыть фланги Италии в Галлии. Благодаря одному полководцу, политическому дея-

телю и писателю по имени Юлий Цезарь мы имеем описание Галлии конца 50-х гг. до н. э. Читая эти описания, необходимо помнить о некоторых неточностях, неизбежно проникающих в доклады разведчиков о столь малоизвестных племенах. Но в юности наставником Цезаря был Антифон – галл по происхождению, а позднее военные походы позволили самому Цезарю пересечь всю страну. О Галлии он был информирован настолько хорошо, насколько это вообще было возможно для римлянина и полководца.

Голова лошади. Резьба по кости. Пещера Мас-д'Азиль, департамент Арьеж. IX–VII вв. до н. э.

Галльская статуэтка бога или героя из Бурэ, департамент Уаза. III–I вв. до н. э. Бронза

5. Как в Галлии, так и в Британии кельтское общество было разделено на кланы, говорит нам Цезарь. Несколько кланов образовывали племя, несколько племен – племенной союз. Считается, что к моменту римского завоевания было около семидесяти двух племенных союзов и от четырехсот до пятисот племен. Многие племена дали свое имя французским городам: *Parish* (Париж), *Bituriges* (Бург), *Lexovii* (Лизье), *Ebroicii* (Эврё). Но во времена Цезаря у галлов еще не было настоящих городов. *Oppidum* племени был всего лишь пространством, обнесенным кольями, внутри которого размещалось торжище, и там же во время нападений могли укрыться люди. Там же проводил свои заседания и *сенат*, собрание крупных собственников. У некоторых племен были цари, у других – тираны, в большинстве же племен правили олигархи. Группа племен составляла лигу; почти все племена из страха перед соседями сохраняли вокруг своих территорий нетронутые леса и ланды. Историки не имеют единого мнения о численности населения Галлии во времена Цезаря; их оценки варьируются от пяти до тринадцати миллионов человек. Примитивные деревни на краю лесных прогалин, должно быть, походили на деревни племен в Центральной Африке. В глинобитных хижинах, крытых камышом, мужчины, сидя на связках тростника, вели беседы между собой,

потягивая местное ячменное пиво – сикера. Так как климат в Галлии был более холодным, чем в Италии, то они носили не тоги, а штаны и куртки из козьей шкуры. Римляне называли Цизальпинскую Галлию, жители которой были одеты как римляне, *Gallia togata*, а Трансальпийскую – *Gallia comata* или *Gallia bracata*, то есть «лохматой Галлией» или «Галлией в штанах». Деревянные сабо также поражали воображение римлян; они называли их *gallicae*, откуда к нам пришло слово *галoши*. Галлы были охотниками и пастухами, но занимались также и земледелием; в основном они питались дичью, свининой и медом, а эта пища была совсем не похожа на пищу, привычную для римских солдат, которые жаловались на мясную диету, навязанную им интендантством.

6. Религия галлов нам плохо известна. Это была та область, о которой Цезарю, чужаку, трудно было узнать истину. Мы знаем, что галлы поклонялись местным и лесным божествам: *Borvo*, божество теплых источников, которое дало имя многим бальнеологическим курортам (Бурбонн, Бурбон-Ланси, Бурбон-л'Аршанбо), а также и королевскому дому Бурбонов; *Diva*, богиня рек (Дива, Дивонн-ле-Бен). У них существовал и более сокрытый культ, таинствам которого обучались в религиозных сообществах друидов. Центр друидизма располагался, вероятно, в Британии, так как именно туда стекались молодые друиды для прохождения инициации. Но прослеживается также и явная связь между верова-

ниями друидов и религиями Востока. Друиды учили, что со смертью тела дух не умирает, а переходит в другое тело на таинственных елисейских полях. Они занимались магией и были немного знакомы с астрономией и медициной; во время зимнего солнцестояния они возглавляли такие символические церемонии, как сбор с дубов омелы, а во время летнего солнцестояния – огненные жертвоприношения. Следы друидических обрядов можно обнаружить и в современной Франции: в Новый год омела еще и сегодня украшает жилища (*Новый год под омелой!*), а летом, в ночь на 23 июня, еще и сегодня в деревнях пылают на косогорах костры Ивана Купалы. Друиды оказывали и некоторое нравственное влияние на своих приверженцев, но все же этого было недостаточно, чтобы объединить всю Галлию. В «Комментариях» Цезаря мы также не находим рассказов ни об одном случае успешного вмешательства этих священнослужителей в переговоры.

Жертвенник галлороманского храма Юпитера. Лютеция. Фрагмент. I в.

7. Галлы представляли собой варварское, но не дикое общество. Умные, чувствительные к красоте языка, интересующиеся жизнью римлян, галлы были хорошими ремесленниками и храбрыми воинами. Вместе с тем в начале I в. до н. э. любой непредвзятый наблюдатель мог бы уже прийти к выводу, что галлы недолго будут оставаться свободными. В битве при Экс-ан-Провансе (Аква Секстия) только вмешательство Гая Мария помешало вторжению кимбров и тевтонов в Галлию. Сильное государство не может примириться с существованием на своих границах государства слабого, анархичность которого делает его легкой добычей для завоевателей. Галлы были способны на героизм, но не терпели дисциплины и не обладали упорством в достижении целей. На группировки разделялись не только племена и кланы, но даже семьи. Ненависть между кланами бывала порой столь велика, что аристократия некоторых племен обращалась за помощью к римлянам, а те никогда не испытывали мучительных сомнений, завладевая страной, которую раздирали междоусобные войны и которая не имела укрепленных границ. Цицерон с презрением говорил о галлах: «Что может быть более грязного, чем их города? Что может быть более дикого, чем их земли?» Приобщение галлов к цивилизации становилось в его глазах предприятием не только законным, но даже похвальным. Поэтому было совершенно ясно, что в тот день, когда какой-нибудь римский полководец решится завоевать галлов, общественное мнение будет на его сторо-

не.

8. В 58 г. до н. э. проконсулом обеих Галлий, Цизальпинской и Трансальпийской, был Юлий Цезарь, сорокадвухлетний политик, амбиции которого можно было сравнить только с его талантами. Образованный, учтивый, снисходительный, но чуждый угрызениям совести, незнакомый ни с ненавистью, ни с жалостью, Цезарь внимательно следил за тем, как умирает римская республика. Он считал, что республиканская аристократия долго не протянет и что однажды кто-то должен будет взять власть в Риме в свои руки. Он хотел стать этим вождем. Но для исполнения такого великого замысла ему необходим был личный авторитет и армия. Проконсулат над обеими Галлиями мог ему дать и то и другое. К 59 г. раздоры между галлами подготовили почву для вторжения. Племя секванов, ведя войну с племенем эдуев, обратилось за помощью к германскому вождю (Führer) свеву Ариовисту, который пришел на зов в их земли, но потом не пожелал оттуда уходить. Тогда эдуи попросили помощи у римлян. В это же время Галлии угрожали и гельветы (швейцарцы), которых, в свою очередь, теснили германцы. Цезарь пришел, увидел, победил, остановил варваров и основал на Рейне военную заставу. Его конечной целью являлось покорение галлов. У Цезаря было только одиннадцать легионов по пять тысяч человек плюс вспомогательные войска, а галльское воинство было гораздо более многочисленным. Но армия гал-

лов была раздробленной и плохо дисциплинированной. Легионы Цезаря, состоявшие из хорошо обученных ветеранов, обладали к тому же и большим преимуществом в вооружении: у них были метательные машины – баллисты и онагры. Его армия включала в себя балеарских пращников и нумидийскую конницу. Прекрасно построенные римские лагеря окружались тройной защитой: рвами, насыпью, палисадами. В Испании Цезарь уже приобрел некоторый военный опыт. Он не был великим тактиком, но зато был прекрасным организатором. Успехам способствовал и его характер. Его решения были быстры, передвижения войск держались в тайне и оказывались молниеносными, а наступления были неожиданными и неудержимыми. Из-за раздробленности галлов и благодаря помощи племен, настроенных в пользу Рима, он сумел за несколько лет завоевать всю страну.

9. Цезарь обращался с галлами с жестокостью, которую он никогда не позволял себе в Риме. Казалось, что по отношению к ним он не испытывал никаких душевных терзаний; он арестовывал их парламентаров, присваивал золотые и серебряные изделия, тысячами продавал с торгов пленников. Эта огромная военная добыча сделала его одним из самых богатых и самых влиятельных людей Рима. «Он подчинил галлов римским оружием, а римлян – галльскими деньгами». Но такие жестокости вызвали восстание. Аристократия, призывавшая римлян на помощь, уже сожалела о своей неосторож-

ности. Верцингеториг, сын вождя арвернов, красивый, гордый, юный герой, безраздельно преданный борьбе за свободу своей страны, возглавил повстанцев и попытался отрезать северные римские легионы от их баз. Он полагал, что заснеженная горная гряда Севенн надежно защищала его от Цезаря. Но Цезарь, преодолевая по 80 км в день, устремился с отрядом в двадцать тысяч человек к месту восстания. У Верцингеторига не было необходимого осадного оборудования для наступления на римский лагерь. Он попытался обречь римлян на голод, уничтожая поля и деревни на их пути. В течение многих месяцев, ведя партизанскую войну, он сковывал лучшую в мире армию, но его поражение было неизбежно. Бург (*Avaricum*), самый красивый город Галлии, был взят приступом, а его жители истреблены. Разобщенность галлов вновь способствовала их поражению. В сентябре 52 г. до н. э. осажденный в Алезии Верцингеториг вынужден был сдаться. Он предложил себя Цезарю в качестве искупительной жертвы, и тот казнил его после четырехлетнего пленения. Но борьба за независимость продолжалась еще некоторое время. Все выступления Цезарь подавлял с крайней жестокостью. Один миллион пленников был депортирован и продан в рабство. Многим повстанцам отрубили кисть правой руки. И наконец, постоянное избиение населения привело к успокоению страны. Галльская война длилась десять лет. Она изменила внешний вид и будущее Европы. Если бы Галлия не была латинизирована, то очень скоро Римская им-

перия стала бы некой восточной империей. Латинизированная Галлия перетянула чашу весов в пользу Запада.

10. Итак, Галлия была латинизирована, и жестокость репрессий не помешала быстрой ассимиляции. Цезарь, честолюбивые устремления которого обратились теперь к Риму, решил оставить за своей спиной мирную Галлию. Он прекрасно умел и подчинять, и привлекать людей на свою сторону. Галлы любили войну; он открыл им доступ в свои легионы и даже создал отдельный элитный легион, целиком укомплектованный галлами, название которого – «Жаворонок» – полностью отражало черты их характера. Галльская знать стремилась к римским должностям; Цезарь проводил ту же самую политику, которую через девятнадцать веков в Марокко использовал Лиотэ, – политику «больших каидов», которая заключается в том, что завоеватель заручается поддержкой элиты завоеванной страны. Рим охотно предоставлял права гражданства присоединенным народам: «Вы возглавляете наши армии, – внушал им Рим, – вы управляете нашими провинциями; между вами и нами нет ни различий, ни преград». Галлы обладали врожденным красноречием, и вскоре их сыновья стали блистать на Форуме. Аристократия быстро романизировалась. Модными именами стали Юлий, Цезарь, а позднее и Август. Древние фамилии уже не хвалились своими галльскими предками, а утверждали, что происходят от Венеры или Геркулеса. В каждом городе муници-

пальный сенат давал им возможность украшать свои имена римскими титулами. Такие южнофранцузские фамилии, как Таладуар или Маламэр, восходят к именам римских колонистов *Talatorius* и *Malamater*. Сенаторы щеголяли тем, что говорят на правильном латинском языке, и с провинциальным педантизмом утверждали, что находят удовольствие в выступлениях риторов.

Во Вьенне, в Лионе, в Лютеции (в городе племени *Parisii*) – повсюду строились римские города с их театрами и базиликами, которые являлись одновременно и ратушами, и залами судебных заседаний. Вода доставлялась в эти города по римским акведукам. Женщины, одетые по римской моде, делали покупки на рынках, выложенных белым мрамором. Цицерон сетовал, что в самом Риме галльские штаны все чаще появлялись на трибунах. Но среди простого населения ассимиляция шла гораздо медленнее. Марциал хвастался тем, что его читали даже галлы, но хотя в 1940 г. у Поля Валери и были читатели в Тунисе, это еще не означало, что тунисцы, проживающие в деревнях, говорили по-французски. Процесс замещения одного общенародного языка другим требует нескольких веков. Галльский крестьянин вынужден был запоминать некоторые латинские слова, чтобы разговаривать с римскими колонизаторами, чтобы препираться с представителями фиска или чтобы служить в легионах. Бывшие солдаты приносили с собой в деревню римскую культуру. Объединению Галлии способствовали дороги, проложенные

в стратегических направлениях. Постепенно все привыкли думать, что и за пределами города существует единая власть – власть государства и что государственные чиновники важнее, чем местные власти. В месте слияния Роны и Соны для празднования культа Августа ежегодно собирался *Concilium Gallicanum* – нечто вроде Национальной ассамблеи. И все начинали считаться с новым, чисто римским понятием – законом.

Фрагмент колонны храма Юпитера. Лютеция. I в.

11. На протяжении пяти веков Галлия оставалась римской провинцией. Это период, равный по времени периоду, отделяющему Столетнюю войну от войны 1870 г. Совершенно ясно, что за эти пять столетий изменялись принципы управления Галлией со стороны империи. Но основные положения сохранялись. Поначалу в Галлии существовало три правительства: аквитанское, лионское и бельгийское – с общим губернатором, находившимся в Лионе. Позднее, возле границ, которым угрожали варвары, в городах Трире, Ахене стал помещаться префект претория. Император Юлиан, друг галлов, сделал излюбленным местом своего пребывания Лютецию. Римские чиновники были многочисленны и педантичны. При префекте претория находились главный секретарь суда, глашатай, директор тюрем, секретарь (*curator epistolarum*), казначей и бесчисленные писцы. Губернатору платили и натурой, и золотом; он имел право на поваря, а если не был женат, то и на сожительницу, потому что «*quodsine his esse nonpossunt...*» (без этого они не могли обходиться...). Административный деспотизм умерялся существованием курий, или муниципальных советов, и защитника города (*defensor civitatis*), но на самом деле галлы опасались этих муниципальных должностей, и быть освобожденными от них считалось привилегией, потому что чиновники курии отвечали за сбор налогов своим собственным иму-

ществом. Налоги были очень высокие. Можно даже сказать, что чрезмерное налогообложение явилось одной из причин падения Римской империи.

12. Теперь следует рассказать о том, как на территории Галлии была организована финансовая система империи, потому что и она потом долго еще оказывала влияние на историю налогов во Франции. В IV в. Рим взимал: а) прямые налоги: земельный налог на кадастровую стоимость земли – *tributum soli*, который пересматривался каждые пятнадцать лет, и подушный налог, *tributum capitis* (этим двум налогам во Франции старого режима будут соответствовать талья и подушная подать); б) косвенные налоги: таможенные сборы, пеаж (налог за проезд по дорогам), монополия на соль, налоги на торговый оборот (1 %) и бесчисленные вторичные пошлины. Такая фискальная система страдала двумя недостатками: она была громоздкой, а налоги распределялись несправедливо. Крупные землевладельцы, имевшие покровительство, получали освобождение от налогов. Чиновники курий, устанавливавшие налоги, не отличались честностью. «Сколько чиновников курий, столько и тиранов», – говорит Сальвиан, а Авзоний добавляет: «Регистры налогообложения сотканы из обманов». Наказания бывали ужасными; администрация применяла пытки, чтобы проверить декларации налогоплательщиков. Конечно, существовал *defensor civitatis*, избираемый жителями, но в противовес ему богатые

создали еще и должность защитника в сенате. На самом же деле, чтобы чувствовать себя защищенным, следовало иметь влиятельного патрона; так еще в римский период появляются первые черты феодализма.

Кельтская монета. Бассейн Роны. I в. до н. э.

13. И тем не менее в первые годы после завоевания Галлия процветала. Именно в тот период появилась у галло-римлян склонность к сельскому хозяйству и любовь к земле, унаследованные позднее французами. Можно только вообразить те радости жизни первых поколений, которые, в противоположность анархии, обеспечивал им римский мир (*Rax*

Romano). Наконец-то в стране появились дороги, границы, военная полиция. Повсюду по пути следования римлян возводились дома нового, средиземноморского типа, виллы, украшенные колоннами и портиками, статуями из мрамора и обожженной глины. Жители городов жили в незнакомой дотоле роскоши: общественные бани, разнообразие спектаклей. Еще несколько десятилетий назад галлы обитали среди лесов в глинобитных хижинах. Теперь же галло-римляне распахивали и обрабатывали новые земли, богатели и продавали плоды своих земель Риму, всегда готовому покупать галльское зерно (дешевизна которого поражала Полибия) и галльские копчености. Галлия становилась «Северным Египтом» (Г. Ферреро).

14. Однако плебс городов и сельскохозяйственные рабочие противились некоторым переменам. В сельской местности жители оставались верны кельтским традициям. Язычник (поганный – *païen*) и крестьянин (пейзан – *paysan*) происходят от одного и того же латинского слова *paganus*. «Укоренившаяся мифология» народа не принимала богов завоевателей. Но в средиземноморском мире уже начинала распространяться новая, народная религия. Уже в I в. н. э. евангелисты, пришедшие с Востока, говорили о Христе. Христианству потребовался целый век, чтобы появиться в Лионе. Рим относился терпимо к любой религии, лишь бы, со своей стороны, она терпимо относилась к культу императора. Но

христиане не принимали ни поклонения ложным богам, ни жертвоприношений Цезарю. Они проповедовали необходимость раздачи богатств и разбивали молотами статуи Венеры и Юпитера. Начиная с правления Траяна их будут преследовать. Кровь мучеников – святого Иринейя, святой Бландины, святого Дионисия – укрепляла сердца. В городах проповедовали миссионеры, в честь которых были позднее воздвигнуты кафедральные соборы: Марциал в Лиможе, Гатиан в Туре, Сатурнин в Тулузе. Позднее, начиная с правления Константина, когда империя приняла христианство, базилики (которые не были для римлян культовыми сооружениями) были превращены в церкви. Возрастала значимость епископа. В ранний период он избирался верующими, но эти выборы вызвали такое количество разногласий, что часто народ взывал к какому-нибудь святому человеку с просьбой избрать им пастыря. Позднее, с ослаблением империи, Церковь оставалась единственной организованной властью. В глазах народных масс она представляла правосудие, а элита была ей признательна за сохранение культуры.

15. Мы не должны забывать, что в тот период уже существовала галльская культура, еще не очень развитая, но вполне процветающая. В IV в. в Бордо, в Отене, в Пуатье, в Марселе, в Тулузе, в Лионе тысячи молодых людей посещали школы грамматики и риторики. Преподаватели являлись чиновниками империи. «Нам угодно, – писал импера-

тор Грациан префекту Галлий, — чтобы ритору предоставлялось тридцать рационов, двадцать — преподавателю латинской грамматики и двенадцать — преподавателю греческой грамматики, если только удастся найти такого, кто способен это делать...» Кельтский темперамент легко усвоил традиции латинского красноречия. Греческий язык тоже имел своих почитателей. Авсоний, патриций и поэт, живший в Бордо, хотел, чтобы его внук начал свои занятия литературой с изучения трудов Гомера и Менандра. Но к сожалению, религиозная культура была скорее формальной, чем реальной. «В конце IV в. в Галлии имелось значительное количество влиятельных и уважаемых людей, облеченных большими полномочиями со стороны государства, которые оставались полужызычниками-полухристианами, то есть не приняли ни одну из сторон, и которые, по правде говоря, очень мало заботились о выборе религии. Это были люди умные, образованные, философы, любящие науку и духовные радости, люди богатые и живущие в роскоши...» (Ф. Гизо). Эти крупные вельможи Римской Галлии вели жизнь легкую и приятную, а остроумие и литературные занятия украшали пустоту их жизни. В V в. Сидоний Аполлинарий, человек просвещенный, епископ и ритор, описал одну религиозную церемонию, по окончании которой клирики и миряне с воодушевлением беседуют о литературе, растянувшись на траве под сплетением виноградных лоз. Потом епископ предлагает сыграть в лапту, и после долгой игры в мяч Сидоний пишет малень-

кое шутливое стихотворение. Другие христиане, более суровые, удалялись в монастыри, первые из которых основал около 360 г. святой Мартин, один – в Липоже (возле Пуатье), а другой – в Мармутье (возле Тура). Западное монашество очень сильно отличалось от монашества восточного. На Востоке люди удалялись в «пустыню», потому что хотели избежать искушений, и каждый поодиночке (*monoi*) предавался строгому аскетизму. В Галлии, напротив, монастыри стремились объединить людей, которые желали бежать от мира, чтобы *совместно* жить духовной жизнью. Монастыри на юге Галлии (в частности, Леринский монастырь, основанный святым Гоноратом на островах вблизи Канн) превратятся в центры новых идей и в места, где готовились епископы. Любой вопрос вероучения или богослужения становится предметом активной переписки местного епископа со святым Августином в Гиппоне или со святым Иеронимом в Вифлееме. Поэтому можно сказать, что «Отцы Церкви усердно трудятся, священники разъезжают, сочинения находятся в обращении», христианский мир остается живым, а империя умирает.

16. Сразу после завоевания и еще три века вслед за тем Рим обеспечивал безопасность Галлий. Вдоль Дуная и Рейна военные походы или демилитаризованные территории помогали держать варваров на расстоянии. *Лимес* – стратегическая приграничная дорога, огражденная траншеями, на

которой через каждые 10–15 км сооружались укрепленные башни (*castelli*), – создавала подобие линии Мажино, где войска, особенно галльские, постоянно несли службу. В арьергарде для защиты этой линии от возможных агрессоров империя содержала маневренные войска, состоящие из восьми легионов в I в. и из четырех во II в. Сверх того, по Рейну патрулировала флотилия, а в *Colonia* (Кёльн) и в *Augusti Burgus* (Аусбург) располагались военные поселения ветеранов. Около 275 г. их гарнизоны перестали быть римскими. Империя испытывала недостаток в людских ресурсах. Профессия солдата перестала нравиться гражданам, предпочитавшим выплачивать налог для покупки себе «заместителя». Тогда императоры стали набирать варваров и размещать их на границах, раздавая им земли в силу правила о «военном гостеприимстве». Это положило начало королевствам варваров. Но эта новая армия страдала полным отсутствием патриотизма. Время от времени избирали нового императора, чтобы получить награды к радостному событию. Политические волнения порождали военную анархию. Рейды германцев опустошали Галлию. Даже такие далекие города, как Бордо и Перигё, разрушают храмы, чтобы из их камней возвести защитные стены. Не только варвары предают Галлию огню и мечу – ее разоряют и незаконные поборы римской бюрократии, алчной до фиска. Налоги столь тяжелы, что мелкие собственники продают свои земли, чтобы ускользнуть от куриалов. Римская администрация стала столь дорогостоящей, что начина-

ет потреблять все собранные средства сама на себя. В эпоху Юлиана «Галлия находилась на последнем издыхании» (Аммиан Марцеллин). Еще целый век империя сохраняла достойный вид, но была уже полностью истощена. Однако даже и после прекращения управления со стороны империи Галлия остается островком латинского мира. В противоположность германскому или балканскому населению галло-римляне действительно были ассимилированы Римом. Именно Рим дал им название, которое их объединило и сохранилось как название страны *Gallia*; Рим открыл им культуру античного мира, Риму обязана Галлия своим чувством уважения к праву и закону. Еще долгое время Галлия будет испытывать ностальгию по империи. И однажды галлы попытаются ее восстановить.

II. О том, как варвары смешались с галло-римлянами

1. По ту сторону Рейна, в лесах, горах и равнинах Германии, проживали многочисленные племена, которые не образовывали племенных союзов, но говорили на похожих языках и имели одинаковые обычаи. Тацит описал их в своей знаменитой книге, где он противопоставляет добродетели этих варваров порокам испорченной цивилизации. «Германцы» Тацита имеют такое же отношение к истинным германцам, какое много веков спустя будет иметь «хороший дикарь» Руссо к каннибалам. Тацит идеализировал кровожадных соседей из глубокой ненависти к современному ему Риму. Впрочем, у германцев, возможно, и были некоторые добродетели: смелость, преданность вождю, — но они были свирепы, коварны и жестоки по отношению к чужакам. Они любили войну и охоту. Собрание воинов выбирало короля и поднимало его на щит; этот государь становился первым среди равных; он напоминал тех царей из «Илиады», авторитет которых дерзко оспаривался строптивыми воинами. Во время войны германцы подчинялись предводителю дружины — *Führer*, который одновременно мог быть и королем и которому под угрозой общей опасности они слепо повиновались. Но эта связь выстраивалась на личностном уровне, а не на законной основе, как в Риме. В целом можно сказать,

что оба, впрочем не до конца ясные, понятия «племени» и «дружины» преобладали в политической и военной жизни германцев (М. Блок). Концепция племени предусматривала выборы короля и власть собрания; понятие дружины основывалось на мистической связи, существовавшей между воинами и *Führer*. Германские племена, не очень ясно, каким образом, объединялись в этнические общности: остготы, вестготы, саксы, тевтоны, вандалы. Они постепенно продвигались на запад и на юг в поисках новых земель и пастбищ (*Lebensraum*¹), потому что у них было много детей, а неумелое ведение сельского хозяйства истощало почву; они одинаково завидовали и богатству империи, и ее климату. Кроме того, германцы испытывали постоянное давление с востока со стороны гуннов, воинственного монголоидного народа, пришедшего с просторов Азии.

2. Нашествия варваров на территорию Галлии и Италии не носили характера массового вторжения организованных армий. Германцы не стремились ни завоевывать, ни разрушать империю – они восхищались ею. Рим, испытывавший нехватку людских резервов, вербовал племена, создавал из них вспомогательные войска и поручал им охрану границ. Здесь варвары, как и римские войска, имели право на *hospitalitas*, то есть право на свою долю земель и жилищ. Понемногу эти воины не без оснований стали полагать себя

¹ Жизненное пространство (нем.).

незаменимыми. Те из них, что входили в личную охрану императора, стали считать, что могут возводить и низвергать государей. Начиная с III в., когда ослабли связи внутри государства, вооруженные дружины стали проникать в Галлию. Чаще всего они бывали немногочисленны, не более пяти-шести тысяч смельчаков. Они опустошали какой-нибудь район, сжигали посевы, убивали мужчин, захватывали женщин, а затем уходили. Но иногда они оставались и селились, стремясь держаться компактной группой. Понемногу дружины, занимавшие одну и ту же территорию и принадлежавшие к одной и той же группе, образовывали свое королевство. Вот так и случилось, что в V в., не встретив организованного сопротивления, Аквитанию заняли вестготы, долины Соны и Роны – бургунды, Эльзас – алеманны, а север Галлии – франки.

3. Все же в районах, занятых варварами, преобладали галло-римляне. Но их раздробленность и ослабление позиций империи делали из галлов легкую добычу. Часто галло-римляне укрывались в городе, окруженном валами, а германцы разбивали вокруг свои лагеря на развалинах загородных вилл. В продолжение некоторого времени оба народа жили бок о бок, и, хотя каждый продолжал говорить на своем языке, «братание» становилось неизбежным. Налаживались взаимобмен, сожительство и официальные браки. Когда варвар брал в жены галлороманскую женщину, то их дети гово-

рили на языке матери. Понемногу латынь возобладала над германским языком, от которого в народной речи остались только военные словечки: шлем (heaume), перемирие (trêve), поселение (bourg), пролом [в стене] (brèche). Позднее для отражения новых нашествий франки и галло-римляне были вынуждены объединиться. Когда в 437 г. гунны напали на бургундов и вступили с ними в сражение, послужившее сюжетом для «Песни о Нибелунгах», то территории, где проживали галло-римляне, приняли как гостей бургундских беженцев, а в 451 г. галлы, франки и римляне под предводительством Аэция, «последнего из римлян», и при духовной поддержке христианских святых (например, святой Женевиевы, покровительницы Парижа) наголову разбили гуннов Атиллы в битве на Каталаунских полях (Шалон-сюр-Марн). Эта победа спасла Запад, потому что бургунды, готы и франки, в отличие от гуннов, испытывали искреннее уважение к Риму. Жениться на римской патрицианке было в их глазах настоящей удачей. Они отдавали себе отчет, что если хочешь управлять романизированными народами, то необходимо уметь говорить на латыни и знать римское право. В V в. жизнь в Галлии, особенно южнее Луары, вовсе не была невыносимой. Люди образованные, такие как Сидоний Аполлинарий, не предполагали, что империя стоит на пороге гибели. Они стремились установить взаимопонимание с готами и франками, которые являлись на заседания совета в звериных шкурах или в коротких туниках и от волос которых ис-

ходил запах прогорклого масла, а от тел — запах чеснока. Они надеялись их цивилизовать. Плохо или хорошо, но римская администрация функционировала до самого конца. В случае надобности Сидоний Аполлинарий мог еще довольно быстро добраться от Лиона до Рима. Затем всякие связи прервались. Приказы из центра перестали поступать. Дольше всего держалась организация муниципальной жизни, которая значительное время оставалась галло-римской. Наконец в 476 г. Западная Римская империя перестала существовать, но император Восточной Римской империи продолжал поддерживать видимость единства империи. Он делегировал на Запад свои полномочия королю остготов Теодориху и, как говорят, епископу Рима (что позднее, вероятно, придало законные основания светским притязаниям папства).

4. После падения империи Галлия представляла собой мозаику варварских королевств. Это были не организованные государства, а просто дружины, предводители которых делегировали права управления на местах своим подчиненным: *comites* (графам) и *duces* (герцогам). Поначалу в соответствии с германскими обычаями еще собирались ассамблеи свободных людей для обсуждения важных вопросов и для совершения правосудия, но, когда в мирное время дружина разбредалась по своим поместьям, полученным воинами в награду за службу, король все чаще стал советоваться только со своими дружинниками, проживавшими вместе с

ним (*двор*, то есть те, кто собирался во дворе его поместья). И довольно быстро предводитель франков Хлодвиг возвысился над другими варварами. В этот же период становится все более и более влиятельной и Католическая церковь. Если мы внимательно изучим карту Франции, то увидим, что 4400 деревень «носят имя святых. Существует 770 деревень Святого Мартина, 461 – Святого Петра, 444 – Святого Иоанна, 274 – Святого Жермена, 185 – Святого Павла, 148 – Святого Обена...» (Р. Лакур-Гайе). Христианская религия еще давала некоторые гарантии единства обеих Галлий. Хлодвиг же был язычником, но именно этот факт в значительной степени облегчал его взаимопонимание с Церковью, в отличие от отношений, существовавших между Церковью и бургундскими или вестготскими королями, которые были христианами, но последователями учения Ария, то есть верили, что природа Бога Отца и Бога Сына в Святой Троице различны. Для ариан Христос не был ни полностью человеком, ни полностью Богом, что представлялось очень опасной ересью, которая делала из Христа полубога и под предлогом унитаризма поощряла некий политеизм. Но Хлодвиг под сильным влиянием Клотильды, своей супруги-католички, принял христианство [в ортодоксальной форме. – *Примеч. перев.*], что обеспечило ему могущественную поддержку епископов, приверженных Троице, для которых основной задачей была победа в Галлии над арианством и всеобщее признание единосущности Бога Отца и Бога Сына. Но

для Хлодвига «триединство Троицы представлялось делом политическим и военным» (Ф. Функ-Брентано). И он прилагал постоянные усилия для достижения своей цели. Хлодвиг был безжалостным циником, его возвышению способствовали как хитрость и убийства, так и успешные сражения. «Ежедневно, – наивно объясняет Григорий Турский, – Бог поражал своей рукой врагов Хлодвига и увеличивал его королевство, потому что он шел к Господу с открытым сердцем и делал все, что было угодно Богу». Уничтожая врагов и друзей, Хлодвиг сумел расширить свое королевство до Пиренеев. «Горе мне, – восклицал он, – что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности!»² «Он говорил так из хитрости, – простодушно замечает Григорий Турский, – чтобы проверить, не остался ли еще кто-нибудь, кого следовало убить».

Но этот царственный разбойник имел большие заслуги. После падения империи он утвердил территориальное единство Галлии, которая вскоре стала называться Францией (землей франков); он освятил союз короны и Церкви, послуживший условием духовного единства страны; и, наконец, с гордостью приняв от императора Анастасия титул римского консула, он утвердил преемственность власти.

² Перев. с лат. В. Д. Савуковой.

Endit que saint Ven-
quert ala foir. le roy de
france. & la francoise.
le roy. s'amoit fame
votude p non. que esto
it tres crestienne. et
s'efforçoit d'ouuerir son mari ala

Король Хлодвиг и св. Ремигий. Французская миниатюра.
XIV в.

Comment le Roy Clodis et sa femme
Clotalde sont en leur palais et comment
ses trois filz sont devant eulz Et comment
le Roy divisa le Roiaume en quatre pieces
si que chascun soit assenee au sien roy
miere .i.

Король Хлодвиг и его семья. Миниатюра Хроники Сен-

Дени. XIV в.

Клотильда Бургундская. Фрагмент скульптурного декора собора Нотр-Дам в Корбейле. XII в.

5. Согласно обычаю германцев, воины имели право избирать короля, но только из одной определенной семьи. Король имеет большой авторитет, если он является потомком рода героев или военного вождя и если он помазан Церковью. Символом его власти служат длинные волосы (это отголосок мифа о солнечных героях, так как длинные волосы олицетворяют лучи солнца). Он живет вместе со своими воинами в огромном поместье, доходы с которого идут на их жизнь. Королевская резиденция – это настоящая деревня, жители которой занимаются разными ремеслами: от ювелирного дела до ткачества. Франкский король переезжал из поместья в поместье в сопровождении своих *leudes* (левдов), то есть «офицеров», а в больших сундуках с тройными запорами перевозили его сокровища в монетах, ценных кубках и драгоценностях. По дороге король охотился, ловил рыбу и заводил многочисленных наложниц среди дочерей своих слуг. Если любовнице короля удавалось ему понравиться, она могла рассчитывать стать супругой и королевой; в этом случае предыдущая королева изгонялась и насильно заключалась в какой-нибудь монастырь. Междусемейные убоицы и распри были излюбленным «спортом» франкских королей. Они приводили к разорению страны, которая процветала в мирные времена, гарантированные Римом. Поне-

многу закрылись школы, и латинская культура была забыта всеми, кроме Церкви и нескольких «королей-маньяков», таких как Хильперик, который хвалился тем, что он латинист и теолог, и хотел прибавить буквы к латинскому алфавиту, чтобы отобразить некоторые звуки, присущие германским языкам. Вначале еще выживали города, находящиеся под защитой епископов, потом и они пришли в упадок. Военная аристократия землевладельцев остается в этот период единственной властью. Эти дворяне-помещики, полуразбойники-полужандармы, защищают своих крестьян от других разбойников. Церковь является тем убежищем, неприкосновенность которого нельзя нарушить, не совершив святотатства, и беглец имеет право там укрываться. Религия остается могущественной, потому что верующие – или, по крайней мере, суеверные – король и высшее сословие боятся вечной кары. Когда Меровей укрылся в Туре возле гробницы святого Мартина, он открыл Книгу Царств, чтобы по писменам узнать свою судьбу, и прочел: «За то, что вы оставили Господа... предал вас Господь, Бог ваш, в руки врагов ваших»;³ после этого он плакал горячими слезами. Так через посредство Церкви римский закон еще пытался смягчить жестокость варваров, но, чтобы обуздать звериную природу человека, потребовалось создание новой цивилизации.

³ Перев. с лат. В. Д. Савуковой. Здесь свободное изложение Григорием Турским Книги Царств. Ср.: 3 Цар. 9: 9.

6. Меровингская династия королей правила во Франции более трехсот лет – дольше, чем Валуа и Бурбоны. История этой династии нам известна из трудов галло-римского епископа Григория Турского, а также из современных работ Огюстена Тьерри (1840), написанных талантливо, но вызванных к жизни – как и «Germania» Тацита – политическими страстями. Либерально настроенный Тьерри противопоставляет французский народ (Жака Простака), происхождение которого он считает галло-римским, эгоистичной знати франкского происхождения. Противопоставление абсолютно искусственное: крупные землевладельцы были и среди левдов, и особенно среди епископов, находившихся в окружении меровингских королей. Но это вовсе не умеряло их грубости. Григорий Турский рисует нам ужасный мир, где насилие этих полудиких деспотов осуществляется и над их сыновьями, и над их женами, и даже над самими прелатами. «Война двух королей» – Фредегонды и Брунгильды – длилась тридцать лет и представляла собой трагедию, подобную трагедии Атридов. Фредегонда, прекрасная служанка, пленяет чувства короля, женит его на себе, приказывает убить своих соперниц и продолжает преследовать даже их детей; она является одним из самых отвратительных персонажей истории. Брунгильда, дочь короля испанских вестготов, недруг и зловка Фредегонды, пережила эту выскочку на шестнадцать лет, но та сумела и после смерти одержать победу через посредство толмача своего сына Хлотаря. И Брунгильда, пре-

данная своими левдами, была выдана Хлотарю, приказавшему привязать старую женщину к хвосту лошади, которая, пущенная бешеным галопом, превратила ее в кусок мяса.

Королева Фредегонда. Фрагмент миниатюры Хроники Сен-Дени. XIV в.

7. Таковы разыгрывающиеся во дворцах Меровингов драмы, которые напоминали одновременно и сарали, и восточные базары. Толпы наложниц плетут интриги, чтобы на них женились «через кольцо». Отвратительный обычай разделять королевство между сыновьями скончавшегося государя провоцирует при каждом очередном наследовании возникновение братоубийственных войн. Сыновья плетут заговоры против отцов, братья против братьев, и проигравший с обритой головой в знак поражения заканчивает свою жизнь в каком-нибудь монастыре, если до этого его не убили на месте. Воины врываются в церковь во время заседания церковного собора, оглашая воздух призывами к смерти. Один епископ был убит прямо перед алтарем. Однако Дагоберт (629–639) был еще достаточно могущественным правителем, способным вторгаться в Италию, Испанию и Германию. Но после него род Меровингов пришел в полный упадок.

8. Это была печальная, грубая и смутная эпоха, как всякая эпоха, когда рушится старый строй, а люди, уже ничем не сдерживаемые, предаются своим страстям. Галло-римляне лишились администрации по римскому образцу, которая до этих пор осуществляла управление. Варвары разрушили представление о законе, и отныне каждый требует соблю-

дения обычаев только своего племени; варвары разрушили также и представление о справедливости, происходящей от государства, и отныне, как и Церковь, утверждают, что справедливость творят они. А что же пришло на смену? Чувство свободы? Ни в коем случае. Если у германцев и были некогда добродетели, которые приписывает им Тацит, то они растворились в столкновении с богатой и сластолюбивой цивилизацией. Во что превратилась столь прославляемая преданность? У Григория Турского мы находим только рассказы о предательстве. «Двор Меровингов – это дом терпимости, а Фредегонда – злобная мегера» (А. Пиренн). Каждый король убивает свою жену, своих сыновей; любого человека можно продать за горсть золота. Разврат истощил жизненные силы их рода. Сам Дагоберт, «преждевременно изнуренный своими многочисленными супругами, умирает *от старости* в тридцать четыре года» (Ф. Функ-Брентано). Совершенно ясно, что такая форма общества не могла существовать долго.

9. Но со смертью одной цивилизации неизбежно нарождается новая. На галло-римской территории некогда выборная королевская власть германцев постепенно превращается в наследственную. В силу воспоминаний об империи она становится вожделенной. Какими бы необразованными ни были меровингские короли, у них сохранялась память о прежней культуре и уважение к ней. Они стремились приобретать произведения византийского искусства, мозаики, восточные ткани. Вокруг них собирается местная и военная аристокра-

тия. Она состоит, с одной стороны, из галло-римлян, прикнувших к победителям и сохранивших свои владения, а с другой – из германских вождей, под защиту которых рады были перейти запуганные земледельцы. Но было бы рано говорить о феодализме, потому что *senior*, «старик», землевладелец и защитник, будущий сеньор, еще не вмешивается в отношения между сувереном и подданными, но постоянные разделы королевства между сыновьями короля ведут к ослаблению власти короны. Страна изрезана наследственными наделами. Бургундия и Аквитания, Нейстрия и Австразия (восток и запад Северной Франции) обретают ясное понимание того, что они являются самостоятельными провинциями. Но еще не умерло и воспоминание о единстве Галлий. Его поддерживает угроза вторжения новых орд (сарацин и гуннов), все еще существующая на границах.

Золотая фибула. Эпоха Меровингов. VII в.

10. Единство Церкви надо считать примечательным фактором. В самый тяжелый период политической смуты христианская Церковь в целом поддержала «единство своей

доктрины и всеобщность своего права». С IV по VIII в. на Востоке состоялось шесть Вселенских соборов, решения которых были признаны Западом. С этого же периода прочно устанавливается и церковная иерархия, а территории различных королевств разделяются на епархии, управляемые епископами. Была некоторая попытка превратить архиепископа Лионского в примата Галлий, в некоего независимого патриарха, наподобие патриархов на Востоке, но она провалилась из-за зависти других городов (Арля, Санса). Епископы были распорядителями церковной собственности, постоянно возраставшей благодаря подношениям верующих и *десятина* (дар Церкви десятой части доходов верующих) – установлению, существующему еще со времен древних евреев, которое стремится возродить католический клир: «Мы постоянно напоминаем, что по закону Авраама вы должны отдавать Богу десятую часть ваших богатств, чтобы могли вы сохранить себе остальное». Народ уважал епископов, потому что они стали его защитниками, а сеньоры и короли их опасались, потому что в руках епископов было грозное оружие: отлучение и интердикт. Государь, отлученный от Церкви, королевство, подпавшее под интердикт, изгонялись из общества. Но чтобы навлечь на себя подобную опасность, нужны были очень веские причины.

11. Мало-помалу епископы стали поручать священникам церковных приходов заменять их в исполнении священниче-

ских обязанностей. Первые приходы были городскими, но во времена Меровингов возникают и сельские приходы с кюре – *curati* – на постоянной должности. Значительную роль сыграли и монахи. В начале VI в. институт монашества был реформирован святым Бенедиктом, основавшим монастырь Монте-Кассино в Италии; ему принадлежит и выработка знаменитого «Устава» монашеской жизни. В своей работе он проповедовал самоотречение, послушание и особенно – труд. В этом заключалась новизна. На Востоке монахи, одинокие созерцатели, никогда не работали; монахи-бенедиктинцы стали первыми «целинниками» Европы. «Устав» Бенедикта поражает своей мягкостью, здравым смыслом и умеренностью. Во Франции он был введен святым Мавром и стал основой строгого монастырского порядка. Вначале монахи не были служителями культа; когда они превратились в людей церковных, то оказались подчиненными власти епископов, и именно тогда они обратились за помощью к королю, а потом и к папе. В период Средних веков крупные ордены будут зависеть только от папства и войдут в конфликт с национальными церквями. Но в те смутные и темные времена, о которых мы сейчас говорим, монахи, так же как и епископы, способствуют некоторой гуманизации диких нравов общества. Крушение империи, исчезновение чиновников – все это оставило устрашающую пустоту, постепенно заполнить которую должно было установление института епископов, а также феодального и монархического институтов.

III. О том, как Каролинги попытались воссоздать империю

1. После смерти Дагоберта падение Меровингов становится неизбежным, и ни один крупный суверен уже не пытался его предотвратить. Развращенность нравов довела королей до распутства, а потом и до безумия. Изнуренные излишествами, они умирали, не достигнув совершеннолетия. Их матери – служанки, которых затащили в постель покойного короля, – правили вместо своих сыновей. И в то же время истощалась королевская казна – частично из-за освобождения крупных сеньоров от налогов, частично потому, что доминирующее положение исламских государств пресекало всякую торговлю с Востоком, постоянным источником богатств. В зоне Средиземноморья арабское нашествие развивалось с устрашающей быстротой. Мухаммед умер в 632 г., а в 635 г. мусульманские армии были уже в Дамаске, в 641 г. – в Александрии, в 713 г. – в Толедо. В 725 г. арабы поднялись по долине Роны до города Отен. Эти новые завоеватели не ассимилировались с местным населением, как это происходило ранее с германцами. Франки восхищались Римом и приняли христианство. Мусульмане оставались верны своим обычаям и своей вере. В начале VIII в. они почти полновластно хозяйничали на Средиземном море. Они заняли всю Испанию и часть Лангедока. В Провансе они истребляли муж-

чин, насиловали женщин и увозили детей. При их приближении население скрывалось на вершинах гор, где гнездились орлы (деревни Гримальди, Эз). Позднее сарацины поселились в этих странах и ввели в обиход культуру гречи (еще и сегодня называемой «сарацинским зерном»), дамасскую розу, пористые глиняные кувшины, в которых вода оставалась всегда холодной, финиковую пальму и шафран (без которого не было бы рыбного супа буйабес). Также сарацинам Прованс обязан мавританской архитектурой, танцами и частично поэзией и наукой при южнофранцузских дворах. Но эта стена неверных отрезала королевство франков от восточного христианского мира, наследника античной цивилизации. Повсюду распространялось невежество. Местные говоры вытеснили латинский язык. Короли были столь слабы, что только формально назывались королями, хотя все еще носили серьги и длинную бороду. Истинным главой королевства был высокопоставленный чиновник, который назывался майордомом.

2. Майордом, вначале простой интендант королевского дома, превратился позднее в посредника между королем и его приближенными. Майордомы австразийских дворцов постепенно возглавили независимую аристократию, после того как целая череда королей проявила слабость и неспособность к управлению. В одной семье родом из бассейна реки Маас, в семье Пипинов (их имя сохранилось в названии

бельгийского города Пепинстер), эта должность на протяжении целого века переходила от отца к сыну. Один за другим Пипин Ланденский по прозвищу Старый, Пипин Геристальский, Карл Мартелл («Молот») возглавляли эту семью и все королевство. Карл Мартелл правил *de facto* Австразией и Нейстрией в течение двадцати шести лет. Он создал надежную франкскую пехоту, которая в битве при Пуатье (732) остановила продвижение арабского правителя Испании. Но эта победа не могла помешать вторжениям сарацин. Еще целых два века из-за отсутствия оборонительного флота средиземноморское побережье Франции было открыто для их набегов. Но Европа и христианский мир были спасены. Папа Григорий III, которому угрожали лангобарды, послал Карлу Мартеллу ключи от гробницы святого Петра в Риме и просил его, как защитника Римской церкви, заменить византийского императора, проживавшего на своем далеком Востоке. Со стороны понтифика это был ловкий дипломатический ход. Римская церковь не ждала ничего хорошего от константинопольских императоров-иконоборцев. У нее были все основания опасаться лангобардов, столица которых, Павия, была расположена слишком близко к Риму. Карл Мартелл, добрый католик, жил по ту сторону Альп, что делало из него желанного защитника. Но он медлил, потому что был уже обременен многочисленными военными обязательствами. Однако Рим уже тогда понял, что отныне только франки в состоянии защитить Церковь.

3. Таким образом, в хаосе VIII в. в Западной Европе существуют две силы: франкская армия Пипинов и папство. Власть римского епископа возрастала; как преемник святого Петра, он пользовался авторитетом; он обладал большими вотчинами и после падения империи на западе уже не зависел, как другие епископы, от территориального суверена. После крещения Британии власть понтифика возросла еще больше, потому что если Италия, Испания и Галлия были христианизированы независимыми миссионерами, то Англию обратил в христианство Рим. Потом из монастырей, находящихся по ту сторону Ла-Манша, Рим отправил апостолов для крещения германцев. Один из них, святой Бонифаций, друг Пипина Короткого, сына Карла Мартелла, стал вести переговоры о соглашении между этим майордомом, пожелавшим стать королем, и папой, нуждавшимся в военной поддержке против своих соседей. Церковь согласилась узаконить смену династии и признать Пипина, который заточил Хильдерика III, последнего из Меровингов, в один из монастырей. Святой Бонифаций помазал его королем одновременно с коронованием его супруги Берты Большеногой. Это был хорошо продуманный поступок, потому что сыновья от этого союза тем самым оказывались дважды освященными. И, кроме того, папа Стефан II в 754 г. пересек Альпы, помазал Пипина в базилике Сен-Дени, провозгласил нового короля и двух его сыновей «римскими патрициями» и наказал

франкам впредь избирать себе государей только из этой семьи. Вот таким образом французские короли и приобрели те признаки благочестивости, которые были присущи библейским царям. В обмен на эту из ряда вон выходящую услугу Пипин прогнал лангобардов из папских владений и отдал завоеванные территории не византийскому императору, законному суверену, а римской республике. Так родилось Папское государство.

4. В лице Карла, сына Пипина (прозванного позднее *Carolus Magnus*), семья получила самого знаменитого из своих вождей. Сам по себе он не был созидателем. Он унаследовал от своего отца Франкское королевство и традиционный союз с Римом. Но ему повезло править сорок три года, и править одному. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы жить долго, и он оказался достойным своей удачи. «Меровингская династия утратила моральные добродетели; Карл Великий счел своим долгом возвеличить добродетель» (Н. Фюстель де Куланж). Почтение он вызывал своим достойным поведением, а любовь – своей сердечностью.

Естественно, нельзя верить всему тому хорошему, что говорит о Карле Эйнхард, личный биограф, начитавшийся «Жизни двенадцати цезарей» и приписавший своему герою все, что он нашел достойного похвалы у римских императоров (Л. Альфан). У Карла было пять законных жен (Хи-

милътруда, Дезидерата, Хильдегарда, Фастрада и Лиутгарда) и еще четыре супруги, что Церковь сочла «проявлением неумеренности». Ему до такой степени нравилось подчинять своей власти всех окружающих, что он запретил дочерям выходить замуж, и это вызвало скандал при дворе. Но он был набожен и трудолюбив. Его импозантная фигура, длинная борода, сила и способность к труду остались в легендах. Прекрасное здоровье, любовь ко всем проявлениям жизни постоянно поддерживали его в хорошем настроении. Он любил язык и песни франков. Он носил франкские одежды: короткую льняную рубашку, ярко-красные короткие штаны, кожаные обмотки вокруг ног, безрукавку из меха выдры, белый или синий плащ. Только в дни торжественных церемоний он соглашался украшать себя золотом и драгоценными камнями. Официальной целью его завоеваний провозглашалось обращение язычников в христианство, но союз с Церковью служил, сверх того, его политическим интересам, так как в те смутные времена только церковная иерархия была единственно возможной формой администрации. В 773 г. папа Адриан призвал его на защиту от лангобардов, вновь захвативших города, завоеванные Пипином. Карл явился с внушительной армией, разбил лангобардов, увенчал себя в Павии знаменитой железной короной и в 774 г. посетил Рим. Он был потрясен. Там находилась кровь Христова, Его одежды и стол Тайной вечери. Там церкви были краше, религиозное пение – чище, церковные церемонии благороднее.

Там можно еще было видеть памятники имперского величия. Восхищенный Карл Великий задумал сделать из своего королевства центр культуры и веры. Папа короновал его королем франков и лангобардов и возвел в римские патриции. Начиная с того дня он считал себя защитником христианского мира и стал называть себя «королем Божьей милостью», что было для франков совершенно новой формулой.

5. В течение всех сорока трех лет Карл Великий вел войны. Но эти военные кампании не были похожи, как у Меровингов, на борьбу между завистливыми родственниками. У него была постоянная цель: защита от язычников бывшей Римской империи. В первое время эти кампании были направлены на завоевание королевств, входивших в империю (Ломбардия, Аквитания); потом – на борьбу против варваров, захвативших Европу: саксов, славян, аваров, сарацин, а позднее – против норманнских пиратов, которые поселялись на берегах Ла-Манша. Вероятно, Карл хотел присоединить к своим победам и завоевание Испании, и в 778 г. он двинулся на Памплону и Сарагосу, но был вынужден отступить, так как подвергся нападению саксов с севера. При отступлении в Ронсевальском ущелье он потерял свой арьергард, в котором находился его племянник Роланд. Этот эпизод, весьма незначительный с военной точки зрения, стал знаменитым, так как лег в основу сюжета «Песни о Роланде», что доказывает превосходство в умах людей поэзии над по-

литикой. Наподобие некоторых римских императоров, таких как Диоклетиан и Юлиан, Карл основал свой Генеральный штаб на Рейне, так как самая большая опасность исходила от германцев. Долгое время он боролся против саксов. Под страхом смерти он запретил им приносить людей в жертву дьяволу, то есть прежним германским богам. Он депортировал 10 тыс. саксонских семей на принудительные работы во Фландрию. Такими методами без помощи миропомазания он привел язычников к обращению в христианство. Это был принцип «христианство или смерть» (Л. Альфан). Его королевство простиралось от Рейна до Вислы. Когда на папу Льва III было совершено нападение, когда он был обвинен, осужден и изувечен своими врагами, то обратился за поддержкой к Карлу, хозяину Европы. Король франков был растроган и принял на себя роль арбитра христианского мира. В 800 г. в церкви Святого Петра он провозгласил папу невиновным. Для восстановления папского авторитета Лев III придумал гениальный жест. В день Рождества он короновал Карла Великого в базилике Святого Петра римским императором под именем Карла Августа. «Долгой жизни и побед Карлу Августу, Богом коронованному, великому и миролюбивому римскому императору!» – кричал народ. Это означало и восстановление Западной империи, и утверждение права понтификов превращать солдата Церкви в императора. Эйнхард, биограф Карла Великого, говорит, что титул императора ему не понравился, но трудно предположить, чтобы император не

был об этом проинформирован до начала церемонии. Единственно правдоподобным кажется только то, что Карл должен был с некоторым беспокойством задуматься, какова будет реакция византийского императора, который считал себя преемником цезарей. Тем не менее, начиная с того дня, Карл именовал себя «правлящим римским императором», хотя на самом деле он стремился скорее создать христианскую империю, чем воссоздать империю цезарей. Этот новый титул ничего не добавил к могуществу Карла, но в сознании народов оно оживило идею о единстве цивилизованного мира, которую некогда насаждала в Европе Римская империя. Константинополь выразил поначалу некоторое раздражение, но затем в 812 г. было подписано соглашение, по которому снова появилось два императора: император восточный и император западный.

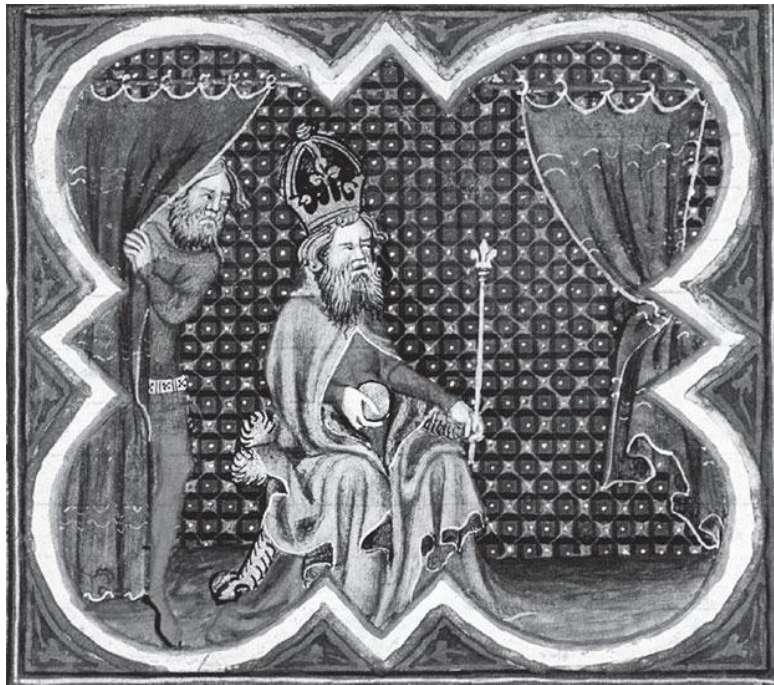
6. Представление об империи было римским, но система *управления* при Карле Великом ни в чем не походила на римскую. Во времена римских императоров власть осуществлялась через иерархическую пирамиду чиновников, а финансировалась посредством взимания налогов. У Карла не было ни бюрократической системы, ни больших доходов. Его империя беднела из-за мусульманской блокады. Одни только евреи могли еще торговать с неверными. Вот почему при дворе в Ахене для них был отведен целый квартал. Если на одного из них совершалось нападение, то виновный подвер-

гался штрафу в пользу императора. Через посредничество евреев Карл установил отношения с халифом Гаруном аль-Рашидом, который сделал ему великолепный подарок: слона и маятниковые часы. Восточная империя, отделенная исламом, представлялась каким-то неясным миражом. Так как в Западной империи не было золота, то деньги были только серебряные. Карл Великий мог располагать лишь доходами со своего домена; для управления империей ему остро не хватало чиновников. Личные придворные слуги императора – сенешаль (управляющий дворцом), виночерпий, коннетабль (*comes stabuli*, то есть граф, ответственный за конюшню) были одновременно и его соратниками. Для письменного делопроизводства у него был церковный шанселье – секретарь, ответственный за церковную канцелярию. Внутри страны Карл мог полагаться на две группы: одну – церковную, а другую – военную. Сеньор какого-либо домена, то есть воин, получивший эту землю в качестве бенефиция (иначе говоря, за оказанную службу), зависел от герцога, графа или маркграфа (возглавлявшего марку), а те в свою очередь зависели от императора. Но на самом деле местные администраторы были почти независимы, они самостоятельно вносили те же установленные налоги и оплачивали свои расходы. Для контроля над ними император рассылал посланников, знаменитых *missi dominici*, которые путешествовали обычно по двое: один епископ и один граф. По возвращении эти инспекторы отчитывались о своей поездке перед императором,

деятельным государем, который все хотел знать сам. Затем, чтобы разрешить обнаруженные проблемы, Карл диктовал «по Божьему велению» статьи закона, получившие название *капитуляриев*. Затем эти капитулярии выносились на народное собрание.

7. В год проходило два собрания: одно – осенью, на котором император и его советники подготавливали работу, а другое, генеральное, – весной. Один хронист так описывает эти генеральные ассамблеи, или Майские поля. Они собирались вокруг дворца в Ахене, в Регенсбурге или в каком-нибудь другом городе. В обсуждениях принимали участие только «знатные», но до начала заседания они собирались со своими приверженцами каждый в своем шатре, чтобы выработать линию поведения. Между собранием и императором постоянно курсировали многочисленные посланцы. Если собрание выражало желание обсудить какой-то вопрос с императором, то он охотно туда являлся и все присутствующие совершенно откровенно высказывали ему все, что думали. Карлу Великому нравилось смешиваться с толпой на Майских полях и беседовать с людьми, прибывшими из всех провинций империи. Он хотел знать, где ропщет народ и каковы причины этого недовольства. В капитуляриях, которые он выносил на собрания, были не только законы, но и вопросы: «Почему бывает так, что то на марше, то в армии, когда нужно что-то сделать для защиты империи, воины не хотят

помогать друг другу?.. Спросить у епископов и аббатов, что означают слова, которые они так часто повторяют: *Отречься от мирского?* Спросить, можно ли считать, что тот, кто ежедневно трудится, чтобы увеличить свою собственность, отказался от мирского?..» Это говорит о том, что в вопросах морали Карл не был чужд и иронии. Конечно, капитулярии вовсе не доказывают административных способностей Карла, которым, впрочем, обстоятельства и не позволили бы проявиться, но они говорят о здравом смысле, любознательности и мудром уважении местных обычаев, включая и завоеванные народы.

Карл Великий. Миниатюра Хроники Сен-Дени. Между 1350–1400

8. После духовной деградации Меровингов Карл Великий поощрял возрождение культуры, впрочем весьма еще робкое. Он испытывал склонность к культуре и во время трапез приказывал читать святого Августина и святого Иеронима. Он нашел ученых людей в Италии и Англии. Защищенная морем, Англия с самого начала своей христианизации

значительно меньше, чем континент, страдала от иноземных вторжений. Там в монастырях уцелели священные и мирские книги, среди которых были и книги Аристотеля. Школы Йорка, где преподавал знаменитый Алкуин, были несравненно лучше, чем школы на континенте, и Карл, встречавшийся с Алкуином в Италии, делал все возможное, чтобы привлечь его к своему двору. Когда ему это удалось, он создал придворную школу, учениками которой был он сам, его красивые и прекрасно образованные дочери и его советники; кроме того, он создал Академию, в которой Карла называли Давид, а Алкуина – *Flaccus*.⁴ Эйнхард говорит нам, что император укладывал свои дощечки для письма под подушки постели, чтобы в бессонные часы упражняться в письме. В обязанности Алкуина, «министра народного образования», входило: возобновить учебные занятия, создать монастырские и епископальные школы, восстановить рукописи и оживить всю культуру в целом. Император поощрял эту деятельность и предоставлял людей для поисков манускриптов и обогащения монастырских библиотек. «Священной задачей» считалось копирование книг. В капитуляриях мы читаем: «Нам неуютно терпеть, чтобы при чтении священных текстов во время богослужений звучали неприятные для слуха солецизмы [ошибки], и мы намерены перестроить вышеназванные чтения...» Карл пишет одному аббату: «Многие монастыри

⁴ То есть Карла Великого сравнивали с библейским Давидом, а Алкуина с древнеримским поэтом Квинтом Горацием Флакком.

направили нам послания, в которых сообщается, что братья молятся за нас; и мы заметили, что в большинстве этих посланий чувства были добрые, но слова грубые и непросвещенные... Поэтому мы призываем вас не пренебрегать изучением словесности...» Естественно, что в этом полуварварском ренессансе много наивности. Темы дискуссий кажутся нам довольно пустыми. Труды Алкуина одновременно и педантичны, и ребячливы. Надо заметить, что, кроме описания жизни Карла Эйнхардом, от этой эпохи до нас не дошло ни одного значительного произведения. Но и сам Алкуин признавал все эти недостатки; он писал императору: «В утро моей жизни я посеял в Британии семена науки; теперь, в вечернюю пору жизни, хотя кровь моя и охладела, я не перестаю сеять эти семена и во Франции и надеюсь, что они расцветут с Божьей помощью и в той и в другой стране...» И наступит день, когда плодами этих посевов станут Шекспир и Монтень.

9. В конце своей жизни Карл Великий стал скорее набожным ученым, чем воином или императором. Его интересовали только молитвы, раздача милостыни и пересмотр Евангелий. Он умер в 814 г., а вскоре после его смерти распалась и его империя. Вторжения пиратов (викингов) и варваров, братоубийственная борьба, последовательные разделы – вся история падения дома Меровингов возобновилась и в эпоху Каролингов. Можно ли говорить, что это произо-

шло из-за отсутствия способностей у потомков Карла Великого? Нет, скорее, это случилось потому, что империя была нежизнеспособной. Слишком обширная для существующих средств коммуникации, плохо защищенная из-за отсутствия кораблей и должного количества воинов, империя была расчленена семейными разделами. У Людовика Благочестивого, сына Карла, было трое сыновей, которые после долгой борьбы договорились в 843 г. в Вердене о разделе наследства. Карл Лысый получил Нейстрию, Аквитанию и Испанскую марку, то есть часть Франции, расположенную к западу от Роны и Соны. Людовик Немецкий объединил Австралию, Баварию, Швабию и Саксонию. И наконец, Лотарь получил земли, расположенные странной полосой, узкой и длинной, идущей от Северного моря до Калабрии, и включающие в себя долины Мааса, Рейна и Роны. Этому государю обязана своим названием Лотарингия. Раздел дал начало двум современным европейским государствам: Франции и Германии; и этот же раздел лег в основу долгих несчастий обеих стран, создав между ними некий коридор, постоянно оспариваемый обоими народами на протяжении всей истории. И все же, несмотря на быстрый распад империи, мы можем говорить, что Карл Великий создал Запад, возродив в нем римскую культуру и привив ему чувство единства.

Карл Великий. Скульптура собора Св. Иоганна в Мюнстере. XII в.

10. Созданию Запада способствовал и ислам. До тех пор пока Средиземное море оставалось общедоступным, свои взоры на восток, к колыбели своей религии, и к Константинополю, хранителю римских традиций, обращали и варварские, и христианские королевства. Но, будучи отрезанными от Востока мусульманскими армиями и флотом, они стали искать другие духовные ориентиры (А. Пиренн) и нашли их в союзе папы и императора – римского епископа и франкского короля. Вот тогда-то и произошел полный разрыв с политическим прошлым. Со смертью Карла Великого начинается новый порядок, который назовут (гораздо позднее) Средневековьем. Его основными признаками являются: а) *политическое могущество Церкви*. Папа или епископ коронует короля, после чего он правит не как военный предводитель, а как помазанник Божий. Неграмотность мирян обеспечивает церковникам гражданскую власть; вся культура сосредоточивается в их руках; б) *промежуточное состояние аристократии между военной и землевладельческой*. Во времена Меровингов существовали крупные землевладельцы, пользовавшиеся политической властью, но еще до Карла Великого местные должности уже переходили по королевской милости в другие руки и в другие семьи. Долгое правление императора укрепило герцогские, графские и маркграф-

ские дома. Местные судебные должности стали наследственными. И как только ослабеет центральная власть, герцоги, графы и маркграфы почувствуют себя независимыми, а короли станут всего лишь первыми среди сеньоров. Но после Карла Великого сохранится ностальгия по единству христианского мира. Подлинным каролингским наследием явилась церковная иерархия и правящая земельная олигархия разделенных народов, хранящих в глубине сердец смутное воспоминание о римском величии и о величии империи франков. «Конечно, через тридцать лет после смерти Карла Великого это единство рухнет, но отпечаток этого величия был, вероятно, столь сильным, что внутри каждого из новых государств останется достаточно общих элементов в социальных и правовых установлениях и в церковной организации, чтобы европейская цивилизация смогла продержаться вплоть до Средневековья» (Ф. Лот).

IV. О том, как развивался феодалный строй. Как случилось, что Капетинги наследовали Каролингам

1. После договора 843 г. распад империи Карла Великого продолжился. Начиная с 888 г. насчитывается уже семь королевств: Французское королевство, Наваррское королевство, Провансальское королевство, Бургундское королевство, Лотарингское королевство, Германское королевство и Итальянское королевство. Те немногие грамотные люди, кто был знаком с историей, полагали, что присутствуют при новом крушении Римской империи. «Некогда народ франков блистал перед взорами всего мира, – писал дьякон Флорус, – теперь это великое государство пришло в упадок и разом потеряло и свой блеск, и статус империи... Нет больше народных собраний, нет больше закона; напрасно прибыло бы сюда какое-нибудь посольство – здесь больше нет двора. Что станет с соседними народами по Дунаю, по Рейну, по Роне, по Луаре и По? Непременно связанные между собой узами согласия, теперь, когда союз распался, все эти народы будут страдать от плачевных последствий раскола. До какого еще предела доведет гнев Господень эти несчастья? Найдется ли хоть кто-нибудь, кто содрогнется от ужаса, думая обо всем

этом, кто размышляет и горюет о происходящем? Скорее, люди радуются раздорам в империи, а миром они называют тот порядок вещей, который не несет никаких благ мира...» (Recueil des Histoires des Gaules et de la France. Т. VII). Так элита страны оплакивала распад империи франков, но народные массы приняли этот распад и даже стремились к нему. Почему же?

— *Потому, что уже формировался национальный характер*, и потому, что в пределах одного государства люди уже с трудом выносили союз различных народов. Конечно, и франки, и саксы были некогда германцами. Но в течение четырех веков франки, живущие на западе от Рейна, смешивались с галло-римлянами, и в IX в. это смешение завершилось. Уже с полным основанием можно было говорить о французах и немцах; и дело было не в происхождении, а в обычаях, языке и мироощущении.

— *Потому что народные массы поняли, что империя уже не в состоянии их защищать*. Новые вторжения приводили деревни в ужас. Сам Карл Великий был напуган набегами «людей с Севера», *норманнов*, которые, приплыв из Дании или Норвегии на судах по 40–60 человек, поднялись вверх по западным рекам и основали в долине Сены и в Кальвадосе независимое государство – герцогство Нормандское. На юге продолжались набеги сарацин. После них оставались обезлюдевшие города и заброшенные поля; девушек они уводили в плен, а монастыри сжигали. Из-за безлюдья распаханые

земли вновь зарастали лесами. По деревням бродили дикие звери. Мелкие землевладельцы и крестьяне, поняв, что уже нет администрации большой империи, устроенной по римскому образцу, умоляли местных правителей обеспечить защиту земель от разбойников и пиратов.

2. Действительно, база для создания таких правительств уже существовала. Она состояла из графов, маркграфов и герцогов, из всех воинов, получивших бенефиции или административные должности. И эти солдаты были способны защищать от захватчиков те регионы, которыми они управляли. Своим *вассалам* они раздавали *феоды*, то есть земли за несение службы. Сам вассал тоже имел своих вассалов, *vassī vassorum*, то есть вассалов вассала. «Те, кто не был достаточно богат, чтобы вооружиться и собрать вокруг себя необходимое число слуг и лошадей, складывались по трое, четверо и даже по шесть человек, чтобы экипировать одного всадника. Когда каждый сеньор созывал своих вассалов и отправлялся на призыв своего сюзерена, то по такому принципу создавались целые армии, которые хотя бы теоретически объединяли все жизнеспособные силы народа...» (Г. Ано-то). Все происходило так, как если бы в наши дни президент США назначил генерала, командующего N-ской армией, губернатором Австрии с правом преемственности для его сына, и если бы этот генерал разделил подчиняющиеся ему земли между полковниками, те в свою очередь разделили бы

свои владения между капитанами, а население согласилось бы с таким устройством из страха перед беспорядками. Так на всем Западе медленно и неосознанно складывалась феодальная система – анархия подталкивала слабых под защиту сильных. Эта система принимала самые различные формы, наследование феонов не всегда было автоматическим, но ни король, ни сюзерен никогда не отказывали в инвеституре сыну своего преданного вассала.

Сражение Карла Великого с сарацинами. Миниатюра Хроники Сен-Дени. XIV в.

3. Понемногу феодальная собственность повсюду приобрела свои основные черты. Собственник получил в своих доменах те же права, которые некогда принадлежали государ-

ству: право отправлять правосудие, право взимать налоги, право получать ренту. Талья, подобная *tributum soli* у римлян, была тем налогом, который выплачивали ленники (зависимые крестьяне) за личную защиту и за защиту своих земель, потому что всякую землю необходимо было защищать и всякая земля должна была иметь своего сеньора. Но и сам сеньор держал свою землю от сюзерена, которому он был обязан оказывать всевозможную помощь и услуги. Какую же помощь? В первую очередь военную. Вассал был обязан лично служить в конном ополчении. Замок должен охраняться караулами. Король имеет право проживать у своих вассалов. В мирное время вассалы, прибывающие ко двору на собрание, на совет или на королевские праздники, делают это за свой счет; они должны оказывать денежную поддержку, когда королевский сын становится рыцарем или когда выходит замуж королевская дочь. А если король попал в плен, то они должны выплачивать за него выкуп. Земля, которую владелец ни от кого не получал, называется аллод (*alleu*) – белое поместье, но очень скоро подобные надельные земли исчезают. Независимый крестьянин чувствует себя таким беспомощным, что он добровольно «отдается» какому-нибудь сеньору, который отныне в обмен на оброк или службу защищает его. Таким образом, феодальный строй продолжает институт римского и галло-римского патроната.

Виллан – это житель деревни (*vilanus*). *Макан* (от латинского глагола *manere*) – это «тот, кто остается», но не «при-

крепленный», как это часто пишут, к земле. Он может уйти, если бросит свои земли. Означает ли это, что, бросив землю, он будет разорен? Дело обстоит сложнее. Ни в IX, ни в XII в. не существовало представления о движимой собственности, которую можно было бы продать. К тому же в разные промежутки времени обычаи не были ни установленными, ни зафиксированными. «Общество – это не геометрическая фигура» (М. Блок). Скорее всего, феодальный строй представлял собой не единую систему, а совокупность миллионов человеческих существ, сеньоров, вассалов и вилланов, которые образовывали разрозненные дружины.

Крестьяне за работой. Миниатюра Мартиролога из аббатства Сен-Жермен-де-Пре. XIII в.

4. Из двух германских понятий – племя и дружина – владела именно дружина. В племени свободные люди решали свои дела в пределах собрания. В дружине, подчиненной

военной дисциплине, основой становилась преданность вождю (*fealty*). Феодалный строй – это дружина, сплотившаяся на определенной территории вокруг вождя и всегда готовая перейти от сельскохозяйственных работ к ратным делам. Генерал роздал землю солдатам, но он сохраняет право созвать солдат, если эта земля в опасности. Эта система была воспринята всеми западными народами, потому что она представляла определенный прогресс по сравнению с анархией. В старые времена вилла галло-римлянина была прекрасным домом с колоннадой, которым можно было любоваться, но защитить который не представлялось возможным. Феодалный сеньор строит свой замок – сначала из дерева, потом из камня – на склоне холма или на специально насыпанном «пригорке». У подножия донжона, как овечье стадо у ног своего пастыря, теснятся деревни, и в случае опасности крестьяне укрываются за толстыми стенами замка. В некоторых районах Франции даже церкви укреплены и могут служить убежищем (например, собор в Альби). Создается класс солдат-землевладельцев: это знать. Ей присущи такие черты, как презрение к любому виду деятельности, кроме войны, праздность, дух семейной солидарности, взлелеянный общей гордыней. Одинокое проживание в замках, знать старается оживить свой досуг праздниками и церемониями. Вокруг сеньора собирается настоящий маленький двор. Его вассалы присылают к нему в пажи своих сыновей, и эти молодые люди благоговейно почитают Даму (*domina*) замка. После смер-

ти сеньора его сын (а если нет наследника по мужской линии, то дочь) наследует его владение, но при этом он должен получить инвеституру от сюзерена и принести ему клятву верности. Во время церемонии инвеституры вассал становится на колени, вложив сложенные руки в руки сюзерена, и произносит: «Отныне и впредь я становлюсь вашим человеком душой и телом». Слово *homage*, означающее этот акт, напоминает, что тот, кто признал этот подданнический долг по отношению к другому лицу, становится «его человеком» — «*homme*», что надо понимать в том же смысле, что и сегодня, когда офицер говорит «мои люди». Вся эта система основана (вроде как в семье) на личной связи моральных обязательств, а не на обезличенном законе, как это было в римском праве. И пренебрежение этой связью становится самым тяжким грехом.

5. В феодальном порядке были серьезные недостатки, но тем не менее это был все же порядок. В X и XI вв. он сыграл важную роль в борьбе с анархией и усмирил террор. Но очень скоро грубая дикость этой военной полиции сама начинает представлять опасность. Из-за отсутствия центральной власти солдат из любого местечка считает, что ему все позволено. И тогда Церковь пытается укротить укротителей, и феодальный сеньор, подчинившийся религиозной дисциплине, становится рыцарем. Вначале все церемонии рыцарства в основном ограничивались посвящением новых вои-

нов. Все примитивные общества были знакомы с такими инициациями, которые сохранились еще и до сегодняшнего дня. Церковь умеет придавать им моральный оттенок. Молодой человек, очищенный омовением, одетый в белую рубашку, постился, проводил ночь в молитвах, исповедался, причащался и, наконец, получал из рук сеньора свои доспехи и меч. «Именем Господа Бога, святого Михаила и святого Георгия посвящаю тебя в рыцари», – произносил восприемник. После этого посвящаемый должен был произнести клятву, текст которой менялся на протяжении XI–XV вв., но общий смысл которой сохранялся: «Я буду служить Богу и своему суверену; я буду защищать права слабых; я не буду сражаться ради награды, наживы или выгоды, а только ради славы и доблести». И наконец посвящаемый обещал, что в любых ситуациях будет преданным, галантным, скромным и ни в беде, ни в смертный час, никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушит данного слова. Естественно, что столь благородные правила буквально соблюдались только теми, кто был их достоин. Нравы заурядного рыцаря сильно отличались от рыцарских идеалов. Но принципы оказывают свое воздействие даже тогда, когда остаются только принципами. Рыцарство оказывало просветительское влияние, а Церковь предписывала даже «Божье перемирие» на несколько дней в неделю, когда запрещалось сражаться. Это было большим облегчением для бедных крестьян, земли которых служили полем битвы.

6. Феодалная иерархия никогда не устанавливалась в соответствии с каким-то планом. Она разрасталась, как ветви большого дерева. Сеньоры-сюзерены сами могли зависеть от сеньора-суверена Перигора, Шампани или Аквитании. На первых порах эти сеньоры-суверены подчинялись королю – вершителю правосудия, но в X в. франкская монархия рухнула, и из-за этого «паралича суверенности» и родился феодализм. Все атрибуты государства переходят к местному сеньору. У короля остается только его личный домен. К этому следует добавить, что в тот же период французская монархия была ослаблена борьбой между двумя домами: традиционным домом Каролингов и домом Робертинов (позднее его называли домом Капетингов), берущим свое начало от Роберта Сильного, графа Анжу и Блуа, одного из самых крупных землевладельцев той территории, что расположена между Сеной и Луарой и представляет собой сердце Франции. В течение ста пятидесяти лет, на протяжении IX и X вв., в семье Робертинов были выдающиеся вожди, великие солдаты, ловкие политики. Многие из них – Эд (Одо), Роберт I, Рауль – избирались королями поочередно с королями из дома Каролингов. Эд защитил Париж от норманнов, чем прославил весь свой род. Другие члены семьи довольствовались титулами франкских герцогов, но государства их были обширнее, чем государства королей дома Каролингов. Французский клир поддерживал Робертинов в их борьбе против

Каролингов, которые уже не обладали достаточной властью для действенной защиты Церкви.

7. Учитывая вышесказанное, было бы не совсем верно датировать, как это делалось долгое время, третью французскую династию выборами на трон Гуго Капета. До него уже правили и другие Робертины. Им благоприятствовало и центральное положение их домена, между Орлеаном, Блуа и Парижем. Когда в 987 г. собрались сеньоры Франции, чтобы избрать своего суверена, то у них был выбор между Карлом Французским из дома Каролингов, герцогом Нижней Лотарингии, и Гуго Капетом.⁵ Архиепископ Реймский высказался в пользу Гуго. «Трон, – сказал он, – не занимают по праву наследования. На трон следует выбирать того, кто отличается не только благородством своего рождения, но и своей мудростью. Итак, коронуйте герцога...» Избрание Гуго Капета не является узурпацией власти: это законное признание сложившегося положения дел. Но первым Капетингам было очень трудно. Окружавшие их крупные сеньоры-соперники – графы Фландрии и Блуа, герцоги Нормандии, Анжу и Аквитании – полагали себя столь же могущественными, что и король. Если бы они объединились, то корона была бы против них бессильна. А юг вообще не признавал власть короля. Кто же объединит королевство? Иль-де-Франс Капетин-

⁵ Прозвище Капет (носящий плащ) происходит от слова *cape* (накидка) или *chape* (плащ). (Примеч. авт.)

гов или Аквитания графов Тулузы? В тот период никто не смог бы этого предсказать. Избранный король полностью зависел от тех, кто его избрал. Он был так слаб, что даже мелкие сеньоры, такие как графы Корбея или Мелена, вызывали его беспокойство. Если бы он был вынужден отправиться из Орлеана в Париж, то для его устрашения хватило бы и башни Монлери, возвышающейся на холме. «Наследник Карла Великого не осмеливался покинуть свои пределы». Он мог располагать доходами только со своих собственных земель и, для того чтобы существовать, вынужден был переезжать из поместья в поместье, как некогда поступали короли варваров. Все те, кто его избрал, постоянно бросают ему вызов из своих неприступных каменных донжонов. Как живая ткань образуется клетками, так и Франция была образована феодальными клетками, ядром которых являлась крепость. Другие органы, и прежде всего мозг, не были еще развиты.

8. Однако новая династия имела в своей колоде несколько сильных карт. Король из дома Капетингов находился в центре страны, а его соперники были между собой разобщены. Его поддерживала Церковь. Во время очень торжественной церемонии коронации его голова и тело были помазаны елеем (смесь масла и бальзама). Считалось, что елей в склянке был принесен святому Ремигию голубкой для крещения Хлодвига, и такое божественное крылатое происхождение лишь добавляло значимости всей церемонии. После корона-

ции король присутствовал на мессе и причащался и как мирянин, и как епископ,⁶ что подчеркивало его почти священное положение. Вот почему свято верующий народ считал, что король получил свои полномочия от Бога и что уже ни один другой государь не обладает теперь такими же полномочиями. Позднее распространилось даже мнение, что король может творить чудеса и излечивать золотуху – «коснуться золотухи». (Еще и при Людовике XV в день коронации из всех концов королевства пришли тысячи больных только для того, чтобы их «коснулся» король.) Король не принадлежит к клиру, «его жена и меч не позволяют причислять его к монахам», но он и не совсем мирянин (М. Блок). Король Франции, король – Божий помазанник, король-чудотворец, в народном представлении оставался к тому же и наследником императора. В эти дни всеобщих раздоров, когда приближение тысячного года – конца света по Апокалипсису – нагнетало «волны страха», народные массы с ностальгической тоской вспоминали золотой век, «*doulce France*» – «милую Францию», которой великие государи даровали некогда мир. Легенда о Карле Великом поддерживала чувство национального единения: «Под сосной, возле куста шиповника, возвышается трон, весь из чистого золота; на нем восседает король, правящий милой Францией. Бела его борода, и глава его убелена». Он мудр, обходителен с женщинами, суров с

⁶ То есть король причащался хлебом и вином, как священник. Мирянин же в католической традиции причащается только хлебом. (Примеч. перев.)

неверными. Бог его любит и защищает. Вот тот государь, которого помнит и призывает французский народ. Уже в течение некоторого времени страна разделена на феодалы, но воспоминание о единстве все еще не забыто.

9. Первые Капетинги были бедны, их домен невелик, а вассалы сильны. К тому же и лингвистическая анархия усугубляла слабость государя. В Руане и Кане говорили по-нормандски, в Бретани – по-кельтски, в Провансе и Аквитании – на провансальском (окситанском) языке. Сам феодальный характер королевства подвергал его постоянной опасности, так как домену всегда угрожали проблемы, связанные с наследованием после смерти родителей и мужей. Объединение этих разрозненных частей Франции было сизифовым трудом, и каждое поколение должно было вновь браться за работу, уже сделанную поколением предыдущим. Другую опасность представляли выборы, происходившие после кончины государя; каждый раз они вновь ставили под вопрос всю сделанную работу. Капетинги успешно пытались бороться с этой угрозой, коронуя старшего сына еще при жизни отца. Так, в Рождество 987 г. Гуго Капет удостоил этой чести своего сына Роберта Благочестивого. На следующий год он заключил важный политический брак своего сына с вдовой графа Фландрии. С этим союзом связана романтическая история, очень показательная для понимания нравов этого века. Роберт был влюблен в свою кузину Берту, дочь

короля Бургундии; он ненавидел свою жену, которая была старше его и на которой его заставили жениться, поэтому он с ней развелся и, как только стал королем, женился на Берте. Папа приказал расстаться супругам-кузенам, потому что они состояли в слишком близком родстве. Роберт упорствовал, и тогда государство было отлучено от Церкви. В 1001 г. анафема восторжествовала над чувством любви. Роберт расстался с Бертой. Но в 1001 г., чувствуя, что он не может жить без любимой женщины, Роберт совершил путешествие в Рим, чтобы умолить папу. Папа был непреклонен, и Роберт подчинился. Эта история интересна тем, что она показывает всю слабость первых королей из дома Капетингов, которых скорее терпели, чем уважали бароны, еще вчера бывшие им равней. И только при поддержке Церкви эти короли могли сохранить свою власть.

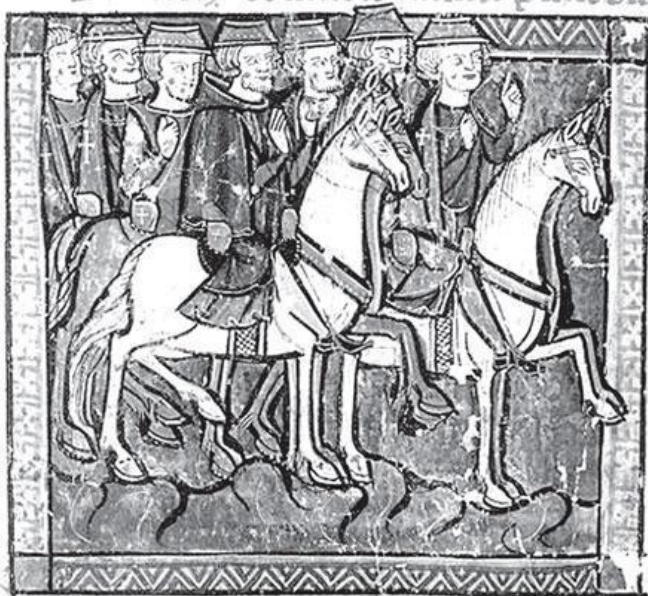
Серебряный денье Гуго Капета. X в.

V. О том, как Капетинги, округляя свой домен, сформировали Французское королевство

1. XI в. отмечен тремя важными событиями. Первое – это завоевание Англии норманнами. «Люди с Севера», датчане или норвежцы, которые правили в Кане, Байё и Руане, необыкновенно быстро восприняли латинский дух. Сочетание римской традиции с молодой энергией викингов привело к изумительным результатам. Суверены, твердо стоящие на своем и обладающие ясным умом, эти нормандские герцоги часто оказывались более «современными», чем французские короли. Они взимали налоги, довольно умело вели свои финансовые дела, строили прекрасные церкви в Кане и Байё и собирали в своих монастырях ученых людей со всего света. В 1066 г. герцог Вильгельм Бастард, прозванный позднее Завоевателем, завладел Англией благодаря удачной операции, которую можно одновременно считать дипломатической, военной и религиозной. Он подчинил местное население, роздал земли своим рыцарям, организовал Церковь, предписал элите язык (французский) и, оставаясь герцогом Нормандским, провозгласил себя королем Англии. Начиная с этого дня присутствие на землях королевства крупного вассала, который и сам являлся могучим сувереном, стало по-

стоянной угрозой для короля Франции. И эта проблема могла быть разрешена только тогда, когда король Франции станет хозяином Нормандии – или когда король Англии станет хозяином Франции.

aler plus sagement. 7 plus empes. qm
 id' goaston debuiſſon ſesmit-paler out m

Enuz estoit limois daoust en lan
 delincarnacion. m. 7 iiii. xx. 7 vi. el

Рыцари отправляются в Первый крестовый поход. Французская миниатюра. XIII в.

2. Второе важное событие – это *Крестовый поход*. Через Крестовый поход Церковь пыталась обратить отвагу феодального воина на службу христианскому миру. Как и во времена языческой Античности, паломничество было обычной формой проявления благочестия. Тысячи паломников шли в Рим, в Сантьяго-де-Компостела, в Иерусалим. Начиная с 637 г. Гроб Господень оказался в руках неверных, но веротерпимые мусульмане долгое время радушно встречали паломников. Гарун аль-Рашид признал за Карлом Великим право защищать святыне места. В 1071 г. Иерусалим перешел в руки турок-сельджуков, которые почти полностью запретили доступ в этот город, почему и возник замысел изгнать оттуда неверных. Могущественные папы предложили план, по которому святая война должна была возвеличить престиж Церкви и в то же время дисциплинировать рыцарство. Гораздо легче, чем подавлять воинственные инстинкты, направлять их в нужное русло. Сочетание епитимьи с битвой должно было понравиться рыцарям, которые любили кровавые схватки, но очень боялись вечных мук. Сюда же примешивались и мирские мотивы: итальянские купцы хотели возродить торговлю с Востоком, а сеньоры надеялись получить новые княжества. Первый крестовый поход был в основном французским. Папа Урбан II был французом; Фран-

ция была колыбелью рыцарства; ее знать и мечтать не могла ни о чем лучшем, как принять участие в этой величественной затее.

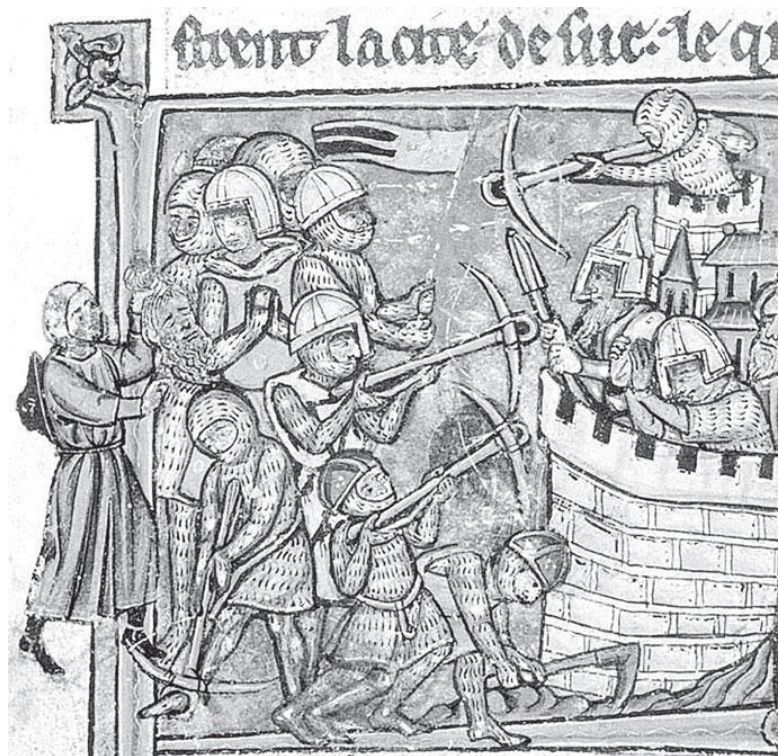

Олифант. Западная Европа. Около 1200

3. Крестовый поход был провозглашен Урбаном II в 1095 г. на Клермонском соборе. Петр Пустынник (Петр Амьенский) объезжал Францию верхом на муле и приглашал простой народ стать крестоносцами. Этот Крестовый поход бедноты был умирительным и злосчастным начинанием. Большинство принимавших в нем участие погибли еще до Иерусалима. Крестовый поход рыцарей был организован лучше, его снабжение осуществлялось по морю итальянскими купцами. Три армии пересекли Европу по трем разным направлениям. Дисциплина в них была гораздо ниже, чем энтузиазм. Каждый солдат – авантюрист и паломник, – как только ему казалось, что есть повод для недовольства, добивался смены предводителя. Принцы искали скорее новых

королевств, чем прославления Бога. Император Константинополя Алексей Комнин пришел в ужас от нашествия этих орд. Но он все же сумел договориться с их предводителями и даже оказал им помощь. Малая Азия была оккупирована, и в 1099 г. Иерусалим был взят. Крестоносцы образовали королевство Иерусалимское, феодальное государство, королями и баронами которого были французы. Французский язык и французская цивилизация заняли на Ближнем Востоке доминирующее положение. Взаимоотношения крестоносцев с неверными были намного лучше, чем это можно было ожидать. Завязывались дружеские связи. Происходило взаимопроникновение обеих цивилизаций, отчего выигрывали обе стороны. Часто бывает так, что именно через контакты с Востоком западная мысль осознает свою самобытную природу и свою прочность. Средневековые войны совпали с самым ярким периодом расцвета греческой мысли. И с Крестовых походов датируется начало европейского возрождения. На три последующих века они определили мировые торговые и морские центры. Марсель, Генуя и Венеция – порты, из которых отправлялись крестоносцы, – превратились в большие города. Там были построены постоянные дворы для паломников. Полицейская служба на Средиземном море обеспечивалась военными орденами – рыцарями ордена Святого Иоанна Иерусалимского и тамплиерами, которые строят большой христианский флот и создают первую международную армию. И начиная с XII в. тамплиеры защищают Про-

ванс от сарацин; там еще и сейчас можно найти развалины замков ордена. В самой же Франции непосредственным результатом Крестовых походов стало ослабление феодализма в пользу монархии. Большое число знати разорилось, подготавливаясь к походу в Святую землю; многие не вернулись оттуда. Такое ослабление военного класса было на пользу королю и населению городов.

Второй крестовый поход. Осада Тира. Французская миниатюра. XIII в.

4. Третьим важным событием XI в. является *возрождение городов и формирование во Франции третьего сословия*. В темные века анархии не все римские города погибли, но они потеряли свое значение и свою независимость. Муниципаль-

ная система перестала функционировать; только несколько старых городов были спасены епископами, и они же стали их сеньорами. Но родились новые укрепленные города с торжищами, и жителей этих *бургов* (*bourgs*) стали называть *буржуа* (*горожанами*). Находившиеся под защитой замков бывшие *villas* превратились в маленькие городки (*villes*), где проживали купцы. Поначалу, по мнению их сеньоров, эти купцы ничем не отличались от всех остальных мананов (зависимых крестьян). Но им было объединяться легче, чем земледельцам, и они организовывали религиозные братства и гильдии по ремеслам. Защищаясь от пиратов и разбойников, они путешествовали флотилиями или группами. Принципом каравана в силу необходимости является принцип объединения. Город вырабатывает свои правила и выбирает своих руководителей. Он стремится получить свою хартию и свои свободы (то есть привилегии). Это движение было общим для всей Европы того времени. Впереди оказались германские и итальянские города, потому что они были богаче и процветали. В бывших римских городах на юге Франции оживляется старинное муниципальное управление. В таких же городах на севере создаются коммуны, приносящие присягу городу. Иногда (как это случилось в Лане) движение за эмансипацию коммун принимает революционный оттенок. Но это, конечно, исключение. Городской купец полностью признает феодальный порядок, он только требует считать себя его составной частью и хочет, чтобы город воспринимался как

коллективный сеньор. Король поощряет коммунальное движение, потому что права на рынок представляют для него источник существования. Возрождение европейской торговли начинается в Венеции и во Фландрии, где располагаются центры морской торговли, в первом случае – с Востоком, а в другом – со Скандинавией и с Англией. Позднее на полпути между Венецией и Фландрией, в Шампани, открывается ярмарка обмена товарами, которая способствует обогащению и других французских городов. Многие епископы и сеньоры предоставляют в своих землях привилегии горожанам на полюбовных началах, чтобы способствовать росту числа их жителей, которые будут нести повинности и создавать ополчение.

5. В других странах у городских коммун была более удачная судьба. В Германии города Ганзейского союза превратились в независимые республики, такие же как Флоренция, Милан и Венеция в Италии. В Англии в процессе создания палаты общин горожане присоединились к рыцарям и вскоре стали управлять страной бок о бок с лордами. Во Франции жители городов увеличивают свое богатство и реальную власть. Из их среды выходят советники государей, судьи парламента,⁷ литературные гении. Но они все так же будут оставаться отдельным классом, который дворянство и Церковь будут рассматривать как более низкий, и именно неудоб-

⁷ О французских парламентах (судебных палатах) см. ниже.

влетворенность третьего сословия и приведет к революции 1789 г. В XI и XII вв. новый класс горожан опирается на короля и, как только это оказывается ему по силам, начинает поддерживать короля в его борьбе против феодалов. Людовик VI Толстый (1108–1137) – это поборник справедливости, который прежде всего стремится поддерживать свободные связи между королевскими и епископскими городами. Он разрушает до основания те замки, сеньоры которых запрещают свободное передвижение по дорогам, и обуздывает тех феодалов-самодуров Иль-де-Франс, которые обирают купцов и грабят аббатства. Людовик VI стал защитником «кутюмы французов» от наступления на нее сеньоров. Аббат Сугерий, министр Людовика VI, восхваляет его за то, что он защищает церкви, помогает бедным и несчастным, охраняет мир в королевстве. «Всем известно, – говорит Сугерий, – что у королей длинные руки...» Это совершенно новое представление, так как никому бы и в голову не пришло сказать о первых Капетингах, что их власть простиралась далеко. Новая королевская власть уважает независимость феодальных сеньоров только лишь в пределах их доменов. Но она ставит себя выше всех местных властей, когда речь идет о поддержании порядка, справедливости и мира. «Королю не пристало нарушать закон, потому что и король, и закон черпают свой авторитет из одного и того же источника», – пишет Сугерий. Иначе говоря, король Франции начинает играть в своей стране роль *человека, исправляющего несправедливо-*

сти. Он все так же остается первым среди феодальных сеньоров, сюзереном над сюзеренами. Но он и помазанник Божий, король Божьей милостью. Вскоре ему уже нет надобности напоминать о своем сакральном статусе, чтобы оправдать свою власть в глазах французского народа. Основой новой монархии явилась защита ею закона. Появляются города, которые, стремясь освободиться от тирании своих собственных городских магистратов, просят короля взять их в прямое управление. И вот так – выдают ли короли городам хартии, вмешиваются ли как посредники между городами и их сеньорами или посылают в города своих прево – возникает сотрудничество их с буржуазией.

6. Людовик VI, сластолюбец и обжора, умер молодым, «настолько измученный своим брюхом, что жир доконал его» (цит. по А. Люшеру). Он успешно женил своего сына на Алиеноре Аквитанской, которая в качестве приданого принесла королю Франции весь юго-запад вплоть до Пиренеев. К несчастью, этот союз был недолгим. Людовик VII обладал рыцарскими чертами: набожностью и любезным простодушием. С обворожительным видом он говорил одному англичанину: «Ваш государь не знает ни в чем недостатка. Золото и серебро, драгоценные камни, шелковые ткани – все у него есть в изобилии. Мы же во Франции живем хлебом, вином и чувством удовлетворенности...» Но королева Алиенора не разделяла его «чувства удовлетворенности». Она тосковала

по своим аквитанским трубадурам и с презрением говорила о своем набожном супруге: «Я вышла замуж за монаха, а не за короля». Король совершил ошибку, взяв ее с собой во Второй крестовый поход в Святую землю. Там она вела себя отнюдь не как святая, влюбилась в красивого раба-сарацина, и ее пришлось увозить силой из Антиохии. Мудрый аббат Сугерий советовал королю запастись терпением: «Что касается королевы, вашей супруги, я придерживаюсь того мнения, что вы должны скрывать недовольство, которое она вам причиняет, до тех пор, пока вы не вернетесь в свое государство, где сможете спокойно освободиться от этого и других неприятных дел...» Но после смерти Сугерия развода уже нельзя было избежать. Алиенора, женщина бурного темперамента, страстно влюбилась в графа Анжуйского Генриха Плантагенета, крепко сбитого юношу с бычьей шеей и рыжими, коротко стриженными волосами, обладавшего вулканической силой и манерами соблазнителя. Она вышла за него замуж и принесла в качестве приданого Лимузен, Гасконь, Перигор и все герцогство Аквитанское. Таковы были нелепые последствия переплетений личных и феодальных отношений: женский каприз мог расчленить целую империю. У Генриха (в наследство от его матери Матильды) уже было герцогство Нормандское; от отца он получил Мэн и Анжу. После своей женитьбы он стал во Франции гораздо более могущественным, чем французский король. Когда в 1154 г. он стал к тому же еще и королем Англии, то возникла угроза,

что анжуйская империя поглотит Францию.

Алиенора Аквитанская и Генрих II Плантагенет. Английская миниатюра. XIV в.

7. Людовик VII (1137–1180) и его сын от третьего брака (с Алисой Шампанской) Филипп Август правили каждый по сорок три года. Филипп Август очень разумно воспользовался своей долгой властью. Он вззошел на трон в возрасте пятнадцати лет, и в наследство ему досталась крайне тяжелая обстановка в стране. В XII в. король Франции выступал как суверен второго плана по сравнению с анжуйской империей и немецкой империей, охватывавшей и часть Италии (по старинной традиции каролингского императора, короля Ломбардии). И все же Филипп Август победил императора и изгнал из Франции Плантагенетов. Энергичный, румяный, крепкий и здоровый крестьянин со спутанной гривой волос, жестокий, эгоистичный и рассудительный, он ни в чем не походил на обычного феодального короля. Его идеалом был не рыцарь, а терпеливый и хитрый политик. Он прекрасно справлялся со своей ролью. Жесткий с сильными мира сего, умело использующий простой народ в борьбе с феодалами, он привлек на свою сторону города и с самого начала своего правления обуздал коалицию крупных сеньоров. Против Англии он использовал претензии Церкви, не простившей Генриху II убийства архиепископа Томаса Бекета, а также семейные раздоры Генриха с его ужасными сыновьями. Если бы Плантагенеты были едины, то, конечно, они бы победили.

Но они неосмотрительно позволили Филиппу подстрекать сыновей против отца, а потом – братьев друг против друга. Поначалу Филипп Август был в прекрасных отношениях с Ричардом Львиное Сердце, наследовавшим Генриху II. Они вместе отправились в Крестовый поход, но рассорились, и по возвращении Филипп Август предпринял попытку завоевания земель Ричарда. Ему повезло, потому что после смерти Ричарда (1199) его противником стал Иоанн Безземельный – безумец, которого можно было обвинить в нескольких смертях, что давало основание провозгласить конфискацию его владений.

Таким образом, феодальное право сыграло на пользу Филиппу Августу, который смог вернуть почти без боя Нормандию, Мэн, Анжу, Турень и Пуату. Для Франции это была сказочная удача. Та легкость, с которой все эти провинции перешли в другие руки, доказывает, что в сердце народа единство с Францией существовало задолго до своего фактического осуществления. Однако опасность еще не была устранена. Враги французского короля объединились; король Англии (Иоанн Безземельный), германский император Оттон IV, граф Фландрский и другие крупные феодалы собрались во Фландрии. Против этой коалиции Филипп Август мог противопоставить Церковь и народ. В 1214 г. в битве при Бувине он наголову разгромил феодальную реакцию и иностранных захватчиков своей двадцатитысячной армией, состоящей из городских пехотинцев – большим новшеством

по тем временам. Эта победа закрепила дело Капетингов. Во Франции она была встречена с необыкновенным восторгом, естественным при освобождении страны, осознающей свое единство. Народ повсюду плясал, клирики пели, церкви были украшены коврами, дороги были усыпаны цветами, травами и ветвями. В Париже семь дней и семь ночей кряду пели и плясали студенты. Король простил даже тех, кто вступал до этого в союз против него. Так зародилось национальное единство.

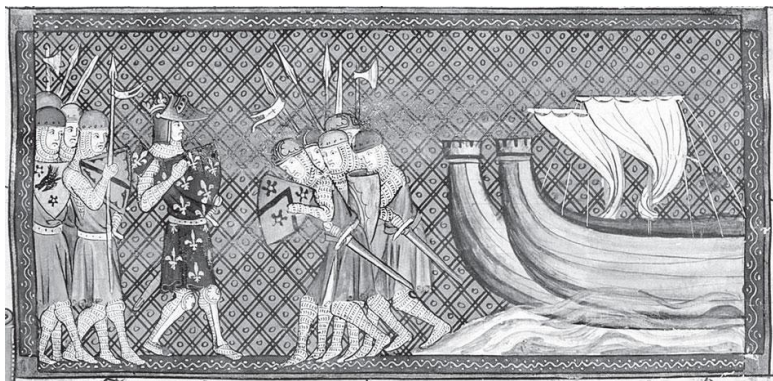

Алиенора Аквитанская. Фрагмент надгробия XII в.

8. Филипп Август был государем нового типа, прекрас-

ным организатором, прекрасным дипломатом, прекрасным военным специалистом. Он был не просто сеньором над сеньорами – он стал главой правительства. Он осознал важность экономических вопросов и помог французским купцам вновь завоевать доверие за границей. «Не должно, чтобы наши люди страдали», – заявлял он. Он взял под свою защиту и иностранных купцов, приезжающих на ярмарки. Он придал французской монархии те «три инструмента, которые до того в ней отсутствовали: покорных чиновников, деньги и солдат». Для перехода от феодального строя к национальной государственности следовало воссоздать центральную власть. Филипп Август создал институт провинциальных бальи, которые должны были трижды в год являться в Париж, рассказывать о делах, проходящих в их бальяжах, и отчитываться по ним. За время его царствования доходы короны поднялись с двухсот двадцати восьми тысяч ливров до четырехсот тридцати восьми тысяч в год. При феодальном строе налог, как и любая служба, носил чисто личный характер. В дальнейшем королевская политика будет направлена на то, чтобы восстановить римское понятие института государства. При Филиппе Августе эта политика еще оставалась в зачаточном состоянии. Король на правах феодального сеньора получал в личную казну такие поступления, как доходы с домена, талью, сборы за права на торговлю и монополию на некоторые товары, феодальные подати. Эти королевские поступления были все еще достаточно случайны: пре-

образование барщины в оброк, ленная подать (рельеф) – то есть налог, взимаемый при переходе феодальной собственности в другие руки; периодическое преследование несчастных евреев, столь прибыльное, что в 1198 г. король и граф Шампани «оставляют за собой всю собственность своих евреев»; налоги на духовенство, вызывающее зависть своим богатством. Тамплиеры, монахи-воины и банкиры, выполняли для Филиппа Августа обязанности королевского казначея. Их командор во Франции, брат Эмар, исполнял должность распорядителя финансов.

Король Филипп Август отправляется в Крестовый поход.
Французская миниатюра. После 1332

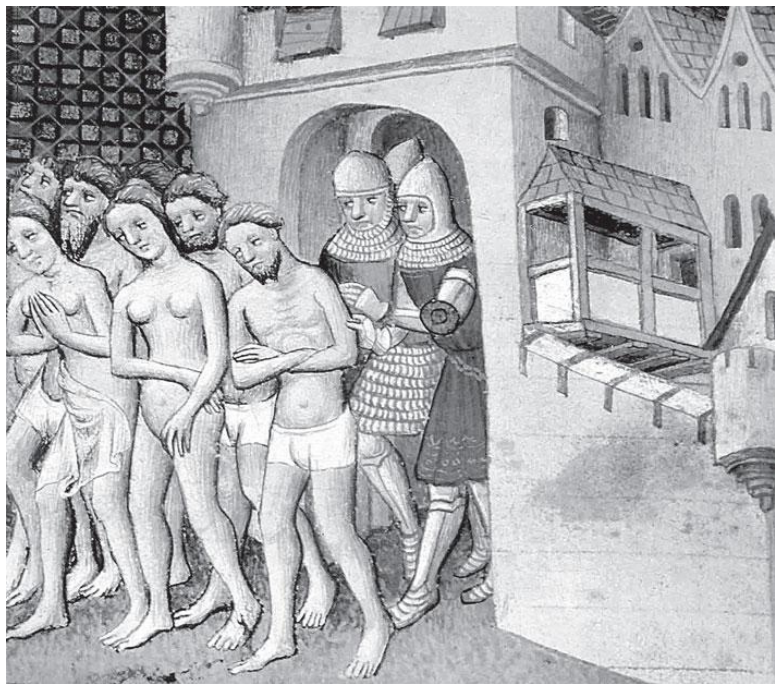

Филипп Август. Фрагмент скульптуры северного трансепта Реймского собора. Первая половина XIII в.

9. Филипп Август был одним из первых градостроителей. Он проявлял особую заботу о Париже, своей столице, и приказал замостить две улицы, соседствующие с его дворцом в Ситэ, которые до этого были двумя грязными, дурнопахнущими дорогами. Он создал в столице полицию – королевский дозор, состоящий из двадцати конных сержантов и сорока пеших. Напротив Ситэ на правом берегу зарождался деловой центр – город Париж (ville de Paris). На левом берегу в Латинском квартале поселяются студенты университета. Король приказал окружить этот тройной город крепостной стеной и построить в ее восточной части «нашу Луврскую башню» для защиты города. Когда он отправлялся в Крестовый поход, то ключи от казны и охрану печатей доверил шести парижским купцам. До того времени король Франции брал с собой в поездки все свои скудные архивы. Филипп Август, которому случилось однажды, попав в засаду, утратить очень важные реестры, создал королевский архив. Он был набожен, но тем не менее умел отстаивать перед Церковью права государства. Папа Иннокентий III считал королей своими вассалами. Филипп Август никогда не соглашался с таким правилом. Он позволил Симону де Монфору совершить Крестовый поход против альбигойских еретиков, но отказался ему помочь, а после поражения альбигойцев при-

мкнул к Монфору только для того, чтобы присоединить к короне владения Раймунда VII, графа Тулузского, а также владения его вассалов – виконта де Безье и графа де Фуа.

10. Если мы сравним карты королевского домена 987 и 1223 гг., то увидим, что за эти два века герцог Иль-де-Франса превратился в короля Франции. Капетинги сумели так ловко объединить интересы короны с заботой о национальном благе, что уже никто, кроме нескольких крупных и завистливых вассалов, не оспаривал законности их власти. Представление о том, что король может избираться ассамблеей, было полностью забыто. Филипп Август был первым из Капетингов, кто, уже ничего более не опасаясь, осмелился отказаться от обычая короновать сына еще при своей жизни. И его сын Людовик VIII без всяких затруднений унаследовал трон. После своей коронации в Реймсе он торжественно въехал в Париж, что послужило поводом для всеобщего ликования, подобного празднованию после победы при Бу-вине. Школы и суды были закрыты. На перекрестках плясала молодежь под звуки оркестров из гитар, псалтериумов и литавр. Ничто не объединяет народ лучше, чем праздники. Вслед за потрясениями и смутой воцарились традиции монархии.

Крестовый поход 1209 г. Изгнание альбигойцев из крепости Каркассон. Миниатюра Хроники Сен-Дени. Около 1415

VI. О том, как Людовик IX освятил монархию и как Филипп Красивый ее укрепил

1. Людовик VIII, так же как и его отец Филипп Август, был хладнокровным, честолюбивым и трезвомыслящим. Его во всем поддерживала жена – Бланка Кастильская, энергичная и набожная испанка. Казалось, что Людовик создан быть великим королем, но он скончался через три года после начала царствования, оставив четверых малолетних сыновей под регентством своей вдовы. По завещанию он отдавал в «удел» своим младшим сыновьям французские провинции Артуа, Анжу, Мэн, Пуату и Овернь. Опасный прецедент! Зачем же было бороться за единство королевства против крупных васалов, если вслед за тем опять вернуться к феодальным уделам принцев крови? Но Людовик VIII, вероятно, считал, что принц, лишенный всех прав, будет для короля завистливым соперником и что престиж королевской семьи пострадает, если принцы будут обездолены.

2. Несмотря на такую неосторожную щедрость, сразу после смерти Людовика VIII один из Капетингов младшей ветви, Пьер Моклерк, герцог Бретонский, создал коалицию против регентши. Бароны, некогда укрощенные сильными ко-

ролями, видя перед собой всего лишь нелюбимую народом иностранку и малолетнего ребенка, ввергли Францию в период волнений, длившийся пять лет. Они требовали, чтобы было возвращено право избрания короля. Говоря другими словами, они хотели вернуть монархию национальную к монархии феодальной. Поначалу Бланка ощущала себя столь беспомощной, что не осмеливалась перевезти короля-ребенка из Монлери в столицу, опасаясь, как бы «парижане не явились за королем с оружием в руках». Однако она сумела спасти трон для сына и воспитала его в соответствии со своим идеалом короля-рыцаря. Бланка была безгранично преданной и до безумия ревливой матерью. Когда король женился на Маргарите Прованской, королева-мать до такой степени вмешивалась в супружескую жизнь этой четы, что Людовик IX и его молодая жена – а их комнаты находились одна под другой – вынуждены были, чтобы избежать бдительности Бланки, встречаться на лестнице, что не мешало им иметь одиннадцать детей. И все же король любил свою тираническую мать. Он сохранял к ней уважение до самой ее смерти и «установил по ней глубокий траур».

Скульптурное изображение Людовика IX Святого на тимпане собора Нотр-Дам в Париже. Около 1250

3. Людовик IX (позднее канонизированный и ставший Людовиком Святым) унаследовал от своих родителей глубокую набожность и сильный характер. Он отнюдь не был святошей. Прекрасный рыцарь с постоянной улыбкой на устах, он любил шутить с домашними, которых усаживал в изножье своей кровати. Несмотря на свое набожное смирение, Людовик, не задумываясь, одевался по-королевски – в алый сюрко, отороченный горностаем. Он пояснял: «Нужно одеваться

так, чтобы резонеры не говорили, что это слишком пышно, а современная молодежь не говорила, что это недостаточно пышно». По утрам король присутствовал на мессе, а после дневного отдыха – на заупокойных службах. Он спрашивал своего друга-сенешаля Жуанвиля: «Согласились бы вы быть скорее прокаженным, чем свершить смертный грех?» – и делал внушение, если Жуанвиль предпочитал грех. Каждый год в Страстной четверг Людовик обмывал ноги бедным. «Сир, – сказал ему честный Жуанвиль, – я никогда не буду мыть ноги этим вилланам». – «Правда? – спросил король. – Это очень плохо». И он попросил его изменить свои привычки. Своему сыну он советовал любить Бога, помогать бедным и убогим, поддерживать добрые обычаи королевства, избегать общества плохих людей, окружать себя прюдомами, не страдающими жадностью; не судить, не зная всей правды, всегда иметь хороших прево и бальи, «свершать только разумные траты». Все эти поучения составили великолепное «Руководство для короля Франции». Собrania под дубом в Венсенском лесу, во время которых он вершил правосудие, сидя на ковре среди своих приближенных под сенью дерева, стали знаменитыми. В своих решениях он никогда не учитывал ранг спорящих и, хотя и был очень набожным, не колеблясь отстаивал права своих подданных против Церкви.

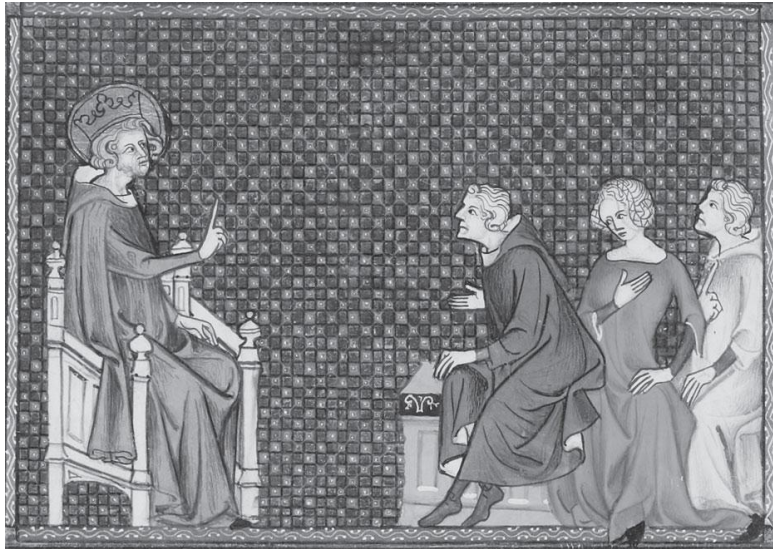
4. Смелый солдат, Людовик Святой принял участие в двух Крестовых походах: в седьмом в 1248 г., который длился

шесть лет и был сплошной чередой катастроф, и в восьмом в 1270 г., который окончился в Тунисе смертью короля, заразившегося чумой. Сир де Жуанвиль, сопровождавший своего господина, оставил рассказ об этих походах. Они были организованы гораздо лучше, чем первые. Лошадей грузили на корабли, борта которых могли откидываться для их погрузки. При отплытии все, стоя на палубе, пели *Veni Creator*.⁸ Когда крестоносцы «удалялись от той земли, где они родились... они проявляли безмерную отвагу, потому что по вечерам, засыпая, не были уверены, что утром не окажутся в пучине моря...» Погибло не одно судно, но когда возле Кипра корабль Людовика дал течь, то, несмотря на уговоры своих спутников, он отказался пересесть на другой, чтобы не волновать остальных путешественников.

По возвращении из Седьмого крестового похода он натолкнулся на новую коалицию баронов и английского короля. Людовик их разбил, а затем, ко всеобщему удивлению, вернул Англии Пуату, Гасконь и Гиень. «Так как наши жены – сестры между собой, а наши дети – кузены, то следует, чтобы между нами царил мир». Взамен он только потребовал, чтобы английский король оказывал ему в этих провинциях соответствующие почести и чтобы были забыты все остальные английские притязания на континенте. Это было проявлением необыкновенной умеренности требований. Но прежде всего Людовик хотел быть справедливым. Исклю-

⁸ «Приди, Создатель» (лат.) – католическая молитва.

чительной целью его внешней политики было поддержание мира между христианами и борьба с неверными. Во всех остальных случаях он всегда был готов вести переговоры и договариваться полюбовно. Для сохранения мира с Испанией он мог отказаться от Каталонии. Он посредничал между папой и императором, призывая их к переговорам. Своей сдержанностью он «выдвинул французскую корону в первый ряд». Его брату Карлу Анжуйскому папство предложило Королевство обеих Сицилий в ошибочной надежде, что Карл окажется столь же достойным королем, что и Людовик. Самой большой моральной победой для Людовика стал тот день, когда в 1264 г. король Генрих III и английские бароны попросили его быть арбитром в их конфликте. Авторитет сдержанности представлял собой нечто совершенно новое в мире, где до того все разрешалось только насилием. Никогда еще христианский мир не был так близок к тому, чтобы объединиться.

Людовик Святой дает наставления наследникам. Миниатюра манускрипта «Жизнь и чудеса Людовика Святого». 1330–1340

5. Во внутренней политике Людовик IX продолжал дело Филиппа Августа. Он считался с феодальной законностью, но пресекал злоупотребления ею. В частности, он запретил внутренние войны, которые были бичом для простого народа. Центр управления юстицией Франции, *Curia Regis*, все еще расположен во дворце короля, и сам Людовик в качестве первого судьи королевства выслушивает жалобщиков под дубом в Венсенском лесу или в другом месте, если двор

куда-то переезжает. Но как у животных в процессе эволюции развиваются новые органы, так и в государстве, по мере того как оно развивалось, клетки королевского двора делились и специализировались, создав Большой совет, ответственный за политические дела, счетную палату и парламент, или постоянный суд. Формируется мозговой центр Франции. Заседающий в Париже парламент не имеет ничего общего с английским парламентом, появившимся примерно в то же время. Это – апелляционный суд, верховный суд всего королевства, а не собрание представителей разных сословий. Людовик Святой подчинил провинциальных багьи новым правилам, которые стали гарантиями для населения, находящегося в их ведении. Он предписал багьи оставаться в своих багьяжах еще сорок дней после окончания их полномочий, для того чтобы они чувствовали свою ответственность за вынесенные решения. В течение всего срока его царствования финансы были здоровыми, а доходы превалировали над расходами.

Смерть Людовика Святого во время Крестового похода в 1270 г. Миниатюра Хроники Сен-Дени. XIV в.

6. В 1270 г. Людовик IX умер. Его сын унаследовал королевскую власть, обладавшую гораздо большим авторитетом, чем та, что досталась в наследство от предков ему самому. Отныне король из дома Капетингов будет восприниматься не только как законный (по праву наследования) государь, он будет непосредственным представителем Бога, который ощущает себя причастным самому Богу, а потому может обходиться и без посторонних советов. Вот так безупречная святость Людовика IX приблизила королевский дом и все королевство к абсолютной монархии, ранее совершенно чуждой франкским королям. Благодаря ему Франция приобрела новый престиж среди других народов – престиж морального авторитета. Поэтому не вызывает удивления, что в 1297 г.

Людовик IX был канонизирован и стал святым Людовиком. После смерти он был воспет французскими поэтами:

Добрый король Людовик правил на земле
На пользу баронов и мелкого люда...
К кому будут теперь взывать столь сильно его любившие
Бедные люди, когда добрый король умер?

7. Нелегко быть сыном святого. Филипп III Смелый был набожным, доблестным – подлинным рыцарем, но восхищение Франции его отцом оказывало парализующее влияние на поступки сына, и поэтому он остался заурядным государем. В период его царствования и царствования его наследника, Филиппа IV Красивого, главной фигурой является уже не король, а «люди короля», сейчас мы назвали бы это «аппаратом». Филипп III покончил с Крестовым походом своего отца, объявил, что предпримет новый, но так никогда и не собрал его. Злым гением Филиппа был его дядя Карл Анжуйский, король обеих Сицилий, который втянул его в совершенно бессмысленный конфликт с Арагоном. Филипп III не желал этой войны. В «Поучениях», оставленных его королем-отцом, он читал: «Я указываю, чтобы ты остерегался своей власти, чтобы не воевал ни с одним христианином, а если тебе причинят зло, то используй все пути, чтобы доказать свою правоту раньше, чем начать войну... И следи, чтобы тебе дали добрые советы до того, как ты развяжешь какую бы то ни было войну; чтобы причина войны была оправдан-

ной и чтобы ты предъявил сначала четкие требования злодеям, а потом еще и выждал бы необходимое время...» Но в 1282 г. в Палермо во время вечерни (от этого кровавого события сохранилось выражение «Сицилийская вечерня») был перебит французский гарнизон Карла Анжуйского, и Сицилия перешла к арагонцам вопреки желанию папы, который заявил тогда Филиппу, что отвоевать ее – это святая цель и что война против Арагона – это тот же Крестовый поход. Эта кампания обернулась жалким поражением Филиппа. И тем не менее графство Тулузское перешло по наследству к королю Франции. Он женил своего сына на наследнице королевства Наваррского и графства Шампанского, что было очень выгодно для французской короны. Понемногу служащие короля взяли под свою юрисдикцию все толпы людей, носящих тонзуру, «клириков по закону и развратников по жизни», которые до того безнаказанно бродили по всей Франции, требуя для себя привилегий духовенства. Таким образом, и при Филиппе III продолжились непрерывные и плодотворные усилия по укреплению династии, но государем, который вслед за Филиппом Августом и Людовиком Святым дополнил триумф великих королей из дома Капетингов, стал преемник Филиппа III – Филипп IV Красивый. Святой оказался между двумя политиками.

Филипп Красивый. Деталь скульптуры надгробия в аббатстве Сен-Дени. XIV в.

8. Был ли Филипп Красивый, человек таинственный, молчаливый, скромный, носивший власяницу и не боявшийся папы, действительно великим государем, или, напротив, он был королем слабым, которого использовали дерзкие советники? Это не особо важно. Великими были его дела. Он унаследовал сильную королевскую власть и еще больше укрепил ее. В период его царствования людьми короля были легисты с юга или из Нормандии, воспитанные на императорском или римском праве. Их идеалом в меньшей степени являлась христианская монархия Людовика Святого, чем империя Карла Великого или Цезаря. Их самой горячей заботой являлось единство королевства, а их излюбленным методом были судебные процессы. «Мы – всегда заботящиеся о том, чтобы быть правыми», – пишет Филипп Красивый королю Англии Эдуарду I. Такой правотой можно оправдать любое требование. Феодалное право, римское право – все годится французским легистам, лишь бы это служило интересам короля. В Париже они строят Дворец правосудия, и в нем появляется постоянный штат, получающий жалованье. Ничто не способствовало в большей степени разрушению феодализма, чем возрастающий авторитет королевского правосудия. Любой недовольный жалобщик обращается к багьи или в парламент государя с апелляцией на судебное реше-

ние, вынесенное сеньором. В любой деревне местный судья чувствует, что за ним наблюдают, что ему грозит опасность. Благодаря бракам, наследствам и договорам домен разрастается еще больше, в него уже входят пятьдесят девять из ныне существующих французских департаментов, которыми управляют тридцать девять бальи и сенешалей. Но такая администрация стоит очень дорого, в шесть раз дороже, чем при Филиппе Августе (А. Леви-Мирпуа).

9. У Филиппа Красивого, «самого большого расточителя среди наших королей», есть только один финансовый принцип: доставать деньги любыми путями. Он создает новые налоги: *la maltôt* – налог на торговый оборот; налог на доход (пятидесятая или сотая часть) для «защиты государства»; клятвенные заемы, гарантированные определенными поступлениями и конфискациями. В 1306 г. арестованы все евреи, на их имущество наложен арест. Затем наступает очередь ломбардских банкиров. «Наши подданные изнывают от их ростовщических процентов» – таков предлог. Банкиров обируют, изгоняют, а затем призывают вновь, чтобы тянуть с них новые деньги. Разве имеет какое-нибудь значение, что подданных разоряют, раз король получает свою долю пирога? И наконец, девальвация через «порчу» монеты. «Мы были вынуждены приказать чеканить монету, в которой, возможно, немного меньше веса и немного иной сплав, чем в монетах наших предшественников...» Существовали

и частные фальшивомонетчики, но их король приказывал варить живьем в кипятке. Чтобы не нести ответственности за преступление, необходимо, чтобы оно исходило от государства. Эта постоянная потребность в деньгах, возникающая из-за развития королевской администрации, влекла за собой и политические последствия: спор с папством, освобождение крепостных за денежный выкуп, продажа должностей, увеличение числа консультативных ассамблей, на которые призывается духовенство, дворянство и горожане, чтобы принудить их согласиться на новый налог и его распределение. Так финансовое положение диктует политику. При Филиппе Красивом впервые в истории Франции возникает дилемма: административный деспотизм или здоровые финансы. Сильное правление стоит дорого. Но правление, которое стоит слишком дорого, перестает быть сильным.

10. Англо-французский спор все еще не был решен и не мог быть решен до тех пор, пока король Англии оставался господином области Гиень. «В те времена англичане чувствовали себя в Бордо столь же естественно, как они чувствуют себя сегодня в Бомбее, а жители Бордо считали это столь же противоестественным, как жители Бомбея считают это сегодня» (Г. Фишер).⁹ Постоянно возникающие инциденты привели к войне. Союзницей Франции была Шотландия; со-

⁹ При жизни английского историка Герберта Фишера (1865–1940) Индия находилась в колониальном владении Великобритании.

юзницей Англии – граф Фландрии. Филипп Красивый приказал построить эскадру, чтобы господствовать над Ла-Маншем. В результате Эдуард сохранил Гиень, но признал в ней себя вассалом, женился на Маргарите (сестре Филиппа Красивого) и женил своего сына (будущего Эдуарда II) на дочери короля Франции Изабелле. Это оказалось серьезной ошибкой Филиппа Красивого, которая стала одной из причин Столетней войны, потому что те права, которые Эдуард III, сын Изабеллы, предъявит французской короне, восходят именно к этому союзу. Фландрия, как это происходило в течение многих веков, колебалась между Францией и Англией. Она была богатой, гордой и независимой. Фламандские горожане оказывали сопротивление своим графам, что поощряло иностранные интриги. Филипп Красивый вел с ними долгую борьбу с переменным успехом. Ткачи не раз опрокидывали французскую конницу. «Брюггская заутреня» была столь же кровавой, как и «Сицилийская вечерня». И наконец в 1305 г. был подписан договор. Филипп получил Лилль, Дуэ и Орши, которые образуют сегодня одну из самых богатых французских провинций.

11. Но самой трудной задачей королевства стало противостояние Франции папству. В течение трех веков Рим боролся против Германской империи и английской монархии за признание привилегий для духовенства. Если светские суверены предоставляли епископам инвеституру, если они име-

ли право устанавливать сумму налога на церковное имущество, если духовные должности могли быть получены путем интриг или подкупа, то уже не было и речи ни о независимости, ни о безупречности Церкви. Подчинение Божественного установления властям человеческим означало отречение от сана и полное отступление. Вот поэтому-то целый ряд сильных пап и боролся за свои права, применяя отлучения и интердикты. Папы победили империю, но повсюду возросло национальное самосознание. И уже вставал вопрос, смогут ли когда-нибудь папы иметь в сильных королевствах священнослужителей, подчиненных только Святому престолу. Вот поэтому капетингская монархия, ревниво оберегающая свои права, рано или поздно должна была вступить в борьбу с Римом. Никто не может служить двум господам, и Бонифаций VIII, воинственный и победоносный папа, рассматривал любое человеческое существо как подчиненное только римскому понтифику. В 1296 г. он опубликовал буллу *Clericis laicos*, которой запрещал светским лицам устанавливать сумму налога на духовенство и грозил отлучением любому клирику, который будет выплачивать эти деньги светскому лицу, наложившему на него данный налог. Филипп Красивый нанес ответный удар, запретив вывоз денег, что прекращало поступление доходов в Ватикан. Папа отступил, но в 1300 г. в Риме праздновалось наступление нового столетия, и в Ватикане собралось два миллиона паломников со всего христианского мира. Ослепленный зрелищем своего собствен-

ного могущества, Бонифаций VIII ужесточает борьбу с королем Франции и в *булле Ausculta fili* призывает Филиппа оправдаться в выдвинутых против него обвинениях в чеканке фальшивой монеты. Похоже, папа брал на себя управление всем миром, принимая образ заступника в чисто светском вопросе. В 1302 г. Филипп Красивый собрал своих баронов и представителей городов и, ощутив их поддержку, оказал сопротивление. Булла *Unam Sanctam* излагала доктрину папы: «Люди живут в двух ипостасях: одна – духовная, другая – светская. Если мирская власть заблуждается, то судить ее должна власть духовная». Тогда король Франции бросил вызов папству. Один из его советников, Гийом де Ногаре, отправился в Италию и во время неслыханно бурной сцены угрозами попытался добиться сложения сана с Бонифация VIII. Тот не отступил, облачился в торжественные одеяния понтифика и заявил, что скорее погибнет, чем сложит с себя сан. Затея Ногаре провалилась. Но папа был очень преклонного возраста, и от пережитых волнений он умер. Его преемник тоже почти тотчас скончался; поговаривали, что он был отравлен.

12. В 1305 г. под французским нажимом папой был избран епископ из Бордо Бертран де Го, принявший имя Климента V. Этот папа решил, что отныне Рим не является надежным для проживания местом, и некоторое время переезжал из города в город, а затем в 1309 г. обосновался в мона-

стыре доминиканцев в Авиньоне. Графство Венессен, в котором находился Авиньон, принадлежало Святому престолу, а позднее папы купили и сам город. Их пребывание в этом городе продолжалось с 1309 по 1377 г., и все это время они находились под полным влиянием французских королей.¹⁰ За это время Авиньон преобразился. Епископскую резиденцию папы превратили в роскошный дворец, полный произведений искусства. При папе образовался двор, была создана папская администрация и фискальная система. Папство взимало *аннаты* (годовой доход с любого церковного бенефиция, переходящего из рук в руки) и другие налоги, делавшие его очень непопулярным. Во времена подъема национального самосознания и развивающейся королевской фискальной системы конфликты между двумя властями, оспаривающими жалкие гроши налогоплательщиков, были неизбежны. Это «вавилонское пленение» окончилось в 1377 г., папа возвратился в Рим. И тогда конфликт между двумя представлениями о национальной самостоятельности, итальянским и французским, вылился в избрание двух пап. Авиньон и Рим сосуществовали одновременно, и христианский мир оказался разделенным надвое Великой схизмой.

13. Самым тягостным моментом этих конфликтов между Францией и Римом был процесс над тамплиерами при Филиппе Красивом. Этот славный орден монахов-воинов, ко-

¹⁰ В историю этот период вошел под названием Авиньонское пленение пап.

которые носили белое одеяние с красным крестом, был основан во времена Крестовых походов для защиты Святой земли. Орден не преуспел в этом начинании, и в 1291 г. даже сама Сирия была завоевана мамлюками. Но тамплиеры приобрели большие владения во Франции. В большинстве провинций командорства ордена оказались самыми процветающими доменами. Рыцари занимались крупными сделками и одалживали деньги самому королю. От них было выгодно избавиться, а лживых слухов для проведения такой акции было предостаточно. Одни обвиняли тамплиеров в предательстве и в сговоре с сарацинами; другие считали их нравы и верования преступными. Их называли еретиками и бесстыдниками, описывали их оргии. «Пить как тамплиер» стало повседневным сравнением. Правда состояла в том, что правила жизни тамплиеров были очень строгими, но возможно, что некоторые из них грешили отсутствием целомудрия, а та тайна, которой они окружали свои инициации, только помогала их врагам. Грозный Ногаре, на которого были возложены обязанности хранителя Печати, занялся разорением тамплиеров и добился цели. Под пытками они признавали все, чего от них требовали. Пятьдесят четыре рыцаря были сожжены на костре. Папа Климент V, пришедший в ужас от такой жестокости, долгое время отказывал в осуждении всего ордена целиком. В конце концов он тоже уступил шантажу и угрозам. Орден был разорен и распущен, а его Великий магистр Жак де Молэ сожжен на костре. Рассказывали, что

на костре де Молэ «приказал королю предстать в конце года перед Божьим судом». Это происходило 11 марта 1314 г., а в конце того же года Филипп IV скончался. Эта ужасная судебная трагедия имела долгие и тяжелые последствия. После «дела тамплиеров» была установлена преступная процедура, по которой самые отвратительные пытки были разрешены в судебных процессах против ведьм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.